1912 г. ГОДЪ ТРЕТІЙ. № 3.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНА, Ю. В. КАННАБИХА, В. Н. ЛИХНИЦКАГО, Н. Е. ОСИПОВА, О. Б. ФЕЛЬЦМАНА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ВЫРУБОВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Оригинальныя статьи.

М. М. Асатіани. Психическій механизмъ симптомовъ въ одномъ случаѣ истерическаго психоза.

S. Freud. Формулировка двухъ принциповъ психическаго процесса.

Обзоры.

Zentralblatt f. Psychoanalyse. I. Jahrg. H. 7/8. 1911. (Н. Вырубовъ).

Рецензіи.

C. Pelmann. Psychische Grenzzustände. (М. Кобылинская).

L. Dugas. L'éducation du caractère. (В. Лихницкій).

O. Adler. Die mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes. (М. Кобылинская).

Bassi. Gynaekologische Prophylaxie beim Wahnsinn. (М. Кобылинская).

Рефераты.

B. Sidis. Fear, Anxiety and psychopatic Maladies. (В. Лихницкій).

J. Coriat. The nature of sleep. (В. Лихницкій).

Hirschlaff. Zur Psychologie und Hygiene des Denkens. (В. Лихницкій).

Общества и съѣзды.

III. Итальянскій конгрессъ неврологіи въ Римѣ, 25—27 октября 1911 г.

Schriften des Vereins für freie psychoanalytische Forschung, herausgeg. von Dr. Alfred Adler.

Объявленія.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписная цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **4 руб.**, за границу 5 руб. Цѣна отдѣльной книжки—90 коп. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи „Психотерапіи“: **Москва**, Патріаршіе Пруды, Ермолаевскій пер., д. 13. Телефонъ 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандеролѣхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

БИБЛІОТЕКА «ПСИХОТЕРАПІИ»

подъ редакціей Н. А. Вырубова.

№ 1. Фрейдъ. Психологическіе этюды. Изданіе 2-ое. Ц. 35 к.

№ 2. Роледеръ. Основы сексуальной педагогики. Ц. 70 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НАУКА», МОСКВА, Б. Никитская, 10.

НОВАЯ КНИГА

Левенфельдъ.

СЕКСУАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ

Н. А. Вырубова.

Содержаніе: О сексуальной конституціи. Эротика и чувственность. Половое влеченіе какъ двигательная сила въ духовной жизни.

Вышли изъ печати: 1) Д-ръ Карлъ Абрагамъ „Сонъ и мифъ“. 2) Зигмундъ Фрейдъ. „Леонардо да Винчи“. 3) Д-ръ Н. Котикъ. „Непосредств. передача мыслей“. 2-ое доп. и испр. изд. Издательство „**Современныя Проблемы**“. **Москва, Садовники, 16.**

Оригинальныя статьи.

Психическій механизмъ симптомовъ въ одномъ случаѣ истерическаго психоза. [1])

М. М. Асатіани.

Въ концѣ ноября въ одинъ изъ подмосковныхъ санаторіевъ поступила больная, молодая, 21 года женщина, съ необычными жалобами на то, что доктора и близкіе находятъ ее больной, между тѣмъ какъ она чувствуетъ себя прекрасно и ей странно находиться не у себя дома, а въ спеціальномъ лечебномъ учрежденіи.

Врачъ, сопровождавшій б-ую, и ея родные могли сообщить слѣдующій анамнезъ. Б-ая происходитъ изъ стародворянской, аристократической семьи. Въ роду со стороны отца были мнительные, неуравновѣшенные люди. Линія же со стороны матери отличалась большимъ наслѣдственнымъ отягощеніемъ: были душевно-больные и истеричные. Заслуживаетъ интереса одна особенность родственниковъ матери: почти всѣ представительницы женскаго пола страдали непорядками въ половой сферѣ, были недоразвиты, абсолютно фригидны, нѣкоторыя не носили вовсе мѣсячныхъ.

Изъ общаго анамнеза б-ой отмѣчу только хроническій, очевидно туберкулезный, процессъ въ правомъ локтевомъ суставѣ въ возрастѣ отъ 4 до 14 л., окончившійся вполнѣ благополучно, не считая незначительной ограниченности въ движеніи сустава. Въ дѣтствѣ б-ая отличалась живымъ, эмотивнымъ характеромъ. Была впечатлительна, воспріимчива, а также своеобразна и эксцентрична въ своихъ проявленіяхъ. Регулы пришли въ свое время. Переходный возрастъ былъ отмѣченъ у нея чрезмѣрной романичностью. Больная много разъ влюблялась, бурно переживала свои романы, нерѣдко покушалась на самоубійство, такъ что ее приходилось увозить въ другія мѣста. 18 лѣтъ вышла замужъ, вскорѣ получила

---

[1]) Предварительное сообщеніе сдѣлано на засѣданіи Московскаго Психіатрическаго Кружка „Малыя Пятницы“ подъ предсѣдательствомъ проф. В. П. Сербскаго.

беременность, родила мальчика, потомъ дѣвочку. Была счастливой матерью, отлично вела свои дѣла, казалась жизнерадостной, довольной. Тѣмъ не менѣе отношенія съ мужемъ были у нея нехорошія. Тотъ мало обращалъ на нее вниманіе, будучи больше занятъ разсѣянной жизнью и крупной азартной игрой, что не разъ служило причиной большихъ недоразумѣній между супругами. Были, можетъ-быть, и другіе нелады между ними и въ числѣ нихъ не послѣднее мѣсто должна была занимать абсолютная фригидность больной, которая ее, однако, безпокоила мало. Будучи почти безразличной къ мужу, наоборотъ, къ дѣтямъ б-ая проявляла большую привязанность. Особенною любовью пользовался ея первенецъ, съ которымъ она проводила буквально цѣлые дни и была для него, по ея словамъ, помимо матери, товарищемъ. Мѣсяцъ съ лишнимъ назадъ заболѣлъ дифтеріей этотъ 3-хъ лѣтній сынъ б-ой. Мѣстный врачъ (дѣло происходило въ провинціи, въ имѣніи б-ой), не подозрѣвая тяжелой инфекціи, не озаботился во время инъекціями сыворотки; когда же былъ вызванъ изъ города спеціалистъ, то было уже поздно. Ребенокъ умиралъ, а одновременно и весь домъ въ томъ числѣ и б-ая были охвачены тяжелой эпидеміей. Ребенокъ умеръ на рукахъ у матери. Зная чувства къ нему, б-ой, родные стали опасаться за ея разсудокъ.

Въ первую же ночь, послѣ смерти сына, больная впала въ сомнамбулическое состояніе. Она воспроизвела свои первые роды. Картина, по словамъ родныхъ, была полная: тѣ же разговоры, тѣ же движенія—тянула вожжи, испытывала родовыя схватки, наконецъ, разрѣшилась и тутъ она обратилась къ воображаемой акушеркѣ съ тѣми же словами, какъ и раньше: «Мальчикъ?», спросила она. И сама же отвѣтила: «Конечно, мальчикъ». Когда сомнамбулизмъ прошелъ, б-ая казалась другой, не была вовсе похожа на мать, которая лишилась страстно любимаго ребенка. Она была весела, ходила радостно возбужденная, говорила, между прочимъ, что сынъ ея живъ и что скоро она поѣдетъ покупать ему игрушки. Временами она дѣлалась тоскливой. Тогда она отыскивала дочь и проявляла къ ней столько недоброжелательства, что дѣвочку скоро постарались удалить съ ея глазъ и выслали даже заграницу. Вторую и третью ночь больная пережила первый и второй годъ жизни своего сына. Четвертую—стала переживать послѣдній его годъ и въ своихъ воспоминаніяхъ подошла къ лѣту прошлаго года и дальше итти, повидимому,

не собиралась. Похороны мальчика были отмѣчены слѣдующими странностями. Наканунѣ б-ая съѣздила въ городъ и накупила массу игрушекъ. Говорила, что везетъ сыну; выбирала, спрашивала про механизмъ. Игрушки были положены на гробъ. Выносъ тѣла и отпѣваніе прошли тоже весьма необычно. Была тяжелая картина разставанія съ общимъ любимцемъ. Больная же оставалась спокойной, къ удивленію окружающихъ, и казалась даже веселой и радостно возбужденной. Однако, вскорѣ послѣ похоронъ у нея появились галлюцинаціи. Она видѣла васильки, слышала запахъ, ощущала ихъ, чувствовала ихъ во рту, они ее душили. Васильки были любимыми цвѣтами сына. Въ сильномъ смятеніи и страхѣ больная бросалась къ доктору и, какъ маленькая, искала у него защиты. Вскорѣ она привязалась къ нему съ особенной порывистностью. Она называла его своей няней, требовала, чтобы онъ раскачивалъ ее на колѣняхъ, какъ маленькую, шалила и говорила, что онъ «большой, всѣхъ разгонитъ и никому не дастъ ее обидѣть». Галлюцинаціи иногда сопровождались припадками съ затемненіемъ сознанія, когда б-ая не реагировала на окружающее, производила движенія, носящія больше произвольный характеръ, скорѣе металась, разбрасывалась, потомъ вдругъ какъ бы успокаивалась и, впадая въ сомнамбулизмъ, воспроизводила различныя сцены изъ своихъ переживаній съ сыномъ. По совѣту врачей, б-ая была помѣщена въ одинъ изъ подмосковныхъ санаторіевъ.

Status praesens въ краткихъ чертахъ былъ таковъ:

Сознаніе б-ой совершенно ясное: оріентировка въ окружающемъ, мѣстѣ, времени, въ своихъ представленіяхъ полная. Самочувствіе вполнѣ хорошее. Настроеніе съ виду повышенное: б-ая распрашиваетъ обо всемъ съ большимъ интересомъ, шутитъ, остритъ; говоритъ о всякихъ мелочахъ, говоритъ съ веселымъ возбужденіемъ и безъ тѣни грусти или какой-нибудь тоски показываетъ фотографіи сына. Составленіе исторіи болѣзни ей кажется забавнымъ и она готова на все давать самые подробные отвѣты. Возбудимость чувствованій въ общемъ не повышена. Только въ одномъ случаѣ она проявляется внезапнымъ измѣненіемъ состоянія больной. Въ это время б-ая впадаетъ въ рѣзкую аффективность, которая сопровождается растерянностью, густой окраской лица, дрожащимъ голосомъ и крупными каплями слезъ. Помимо цѣлой кучи фотографій сына, она не разстается съ его послѣдней игрушкой, бѣлымъ зайчикомъ, котораго все время держитъ около себя.

Она играетъ съ нимъ, какъ маленькая. Ласкаетъ. Иногда заведетъ и, когда онъ начинаетъ играть, то первые же звуки взбудораживаютъ и вздергиваютъ б-ую. Тогда она прекращаетъ музыку со словами: „Нѣтъ, ужъ лучше не надо". Интеллектуальная сфера б-ой безъ какихъ-нибудь особенныхъ измѣненій, не считая нѣкоторыхъ особенностей въ области воспріятія: такъ, напр., б-ая говоритъ, что не помнитъ вовсе осени. Помнитъ хорошо только лѣто. Зиму, снѣгъ она отказывается воспринимать. Она, понятно, видитъ снѣгъ—значитъ зима; а между тѣмъ чувствуетъ лѣто. Зима для нея пустой звукъ, на самомъ же дѣлѣ, по ея мнѣнію, на дворѣ лѣто, жаркое солнце, голубое небо, а въ саду играетъ ея сынъ. Въ этомъ безполезно разувѣрять б-ую. Она сама разсудкомъ понимаетъ это, а чувства ей говорятъ другое. Вниманіе б-ой въ значительной степени занято всякими мелочами. О смерти сына она какъ будто не знаетъ, о немъ не думаетъ и весьма охотно развлекаетъ себя всякими пустячными разговорами съ камеристкой. Личность б-ой представляется нѣсколько измѣненной. Цѣльность личности нарушена существованіемъ отдѣльныхъ, отчлененныхъ группъ; внушаемость, подсознательная дѣятельность весьма усилены. Б-ая имѣетъ совершенно опредѣленную группу переживаній изъ жизни сына, которая воспроизводится ею припадочно, причемъ съ прекращеніемъ сомнамбулизма у нея появляется полная амнезія происшедшаго. Не стану останавливаться долго на физическомъ состояніи б-ой. Внутренніе органы оказались нормальными.

Что касается нервной системы, чувствительность болевая и термическая понижены слѣва. Изслѣдованіе было произведено съ возможными предосторожностями, дабы не получить у б-ой внушенныхъ анестезій, отъ чего такъ сильно предостерегаетъ Babinski. Долженъ сказать, что б-ая сама заговорила, еще до изслѣдованій, о странномъ, на ея взглядъ, явленіи: „правой рукѣ больно, когда ударяю о кресло, а лѣвой нѣтъ; правая рука холодная, когда трогаю, а лѣвая теплая". Эта анестезія похожа на случаи Terrien'a, доложенные имъ на конгрессѣ невропатологовъ и психіатровъ Франціи въ 1909 году, когда больные до врача замѣчали у себя отсутствіе болевой чувствительности.

Двигательная сфера б-ой, такъ же, какъ и черепные нервы оказались въ полномъ порядкѣ.

Рефлексы—не усилены. Патологическіе отсутствуютъ. Сонъ очень плохой. Отъ ѣды почти отказывается.

Перехожу теперь къ описанію развитія картины и симптомовъ, психическій механизмъ которыхъ вскрывается, по-моему, съ достаточнымъ вѣроятіемъ. Чтобы дать понятіе о душевномъ состояніи б-ой, не лишне будетъ сказать, что за все свое короткое пребываніе въ санаторіи настроеніе ея съ виду было весьма хорошее: слегка приподнятое, дѣтски веселое и измѣнчивое, оно прерывалось припадками, въ которыхъ б-ая переживала различныя сцены какъ съ сыномъ, такъ и съ однимъ лицомъ, которое, повидимому, сыграло большую роль въ развитіи ея душевнаго конфликта.

Спустя нѣсколько дней послѣ поступленія въ санаторій б-ая попросилась въ постель, причемъ была весьма настойчива въ этомъ, легла лицомъ къ стѣнѣ, спиной къ свѣту и велѣла задвинуть портьеры. Ее раздражалъ снѣгъ. Она не признавала зимы: «нѣтъ, теперь лѣто, на дворѣ жаркое солнце, голубое небо, а въ саду играетъ мой сынъ». Въ этомъ ее никто разувѣрить не сможетъ. Правда, она согласится, что на дворѣ зима, а сынъ умеръ, но это для нея пустыя слова. Она чувствуетъ лѣто. Она совсѣмъ недавно держала въ рукахъ сына. Она чувствуетъ его тѣло на концахъ своихъ пальцевъ, могла бы съ точностью указать размѣры его тѣла. Но все-таки ей тяжело видѣтъ снѣгъ. Она поѣдетъ въ жаркія страны. Вскорѣ у б-ой начались припадки. Первый припадокъ случился съ ней сейчасъ же послѣ того, какъ завела играющаго зайца. Она впала въ забытье, перестала отвѣчать на вопросы, едва чувствовала уколы булавкой. Тѣмъ не менѣе каждая попытка удержать ее встрѣчала противодѣйствіе. Вскорѣ появились движенія, которыя носили скорѣе произвольный характеръ: б-ая металась, разбрасывалась. Судорогъ отмѣтить не удалось. Послѣ нѣкотораго затишья стала говорить. Она переживала утренній часъ, сына привели къ ней въ спальню изъ дѣтской. Она взяла его къ себѣ, стала играть съ нимъ. Пѣла ему пѣсни, обѣщала все, чего бы онъ не пожелалъ. Называла его единственнымъ своимъ счастіемъ. Долго и нѣжно повторяла: «ты маленькій, маленькій, мягкій, мягкій». Долженъ сказать, что эта сцена сопровождалась ритмическими движеніями таза. Наблюденіе это я отмѣчаю не потому, что придаю ему значеніе, а только ради полноты и для того, чтобы избѣжать упрековъ со стороны тѣхъ сексуалистовъ, которые видятъ въ истерическомъ припадкѣ одинъ coitus. Пусть они толкуютъ по—своему эти движенія, я же прохожу мимо, не видя въ этомъ даже приблизительна-

го намека на специфичность. Возвращаюсь къ описанію. Вскорѣ, однако, б-ая стала безпокоиться. Отъ чего-то, отъ кого-то защищалась, закрыла лицо руками, испытывала, повидимому, сильныя страданія: вдругъ какъ бы застыла въ ужасѣ, и тутъ едва можно было разобрать шепотомъ сказанныя слова: „Васильки, васильки, душатъ, душатъ". Всѣ мои старанія войти въ раппортъ съ б-ой были напрасны. Спустя нѣсколько минутъ, она внезапно открыла глаза и быстро вернулась къ обычному своему веселому, приподнятому настроенію, стала спрашивать, что съ ней было. Вскорѣ обратила вниманіе на то, что ноги у нея «мягкія». Стала просить перенести ее на кровать, отказывалась итти сама вовсе. Опасаясь развитія параличей, я сдѣлалъ попытку заставить б-ую пройти, стараясь вызвать у нея, какъ это совѣтуетъ Janet, ясное представленіе объ утраченной функціи. Когда я поставилъ ее на ноги, то долженъ былъ поддерживать, обхвативши крѣпко за талію, такъ какъ ноги у нея дѣйствительно подкашивались, болтались, точно они на самомъ дѣлѣ были мягкія. Стопы совершенно отвисали и смотрѣли внутрь. Подумавши о возможности дифтеритическихъ параличей группъ peronei, я не могъ не прекратить своей попытки, тѣмъ болѣе, что эта проба сопровождалась у б-ой головокруженіемъ, весьма сильнымъ сердцебіеніемъ, а также чрезвычайнымъ волненіемъ. Она была уложена въ постель и ужъ нѣсколько дней не вставала. Ближайшій припадокъ съ сомнаибулизмомъ долженъ былъ разсѣять мои сомнѣнія относительно функціональности только что образовавшихся параличей: б-ая прошлась прекрасно; когда же проснулась, то попрежнему стала валиться съ ногъ. Я предложилъ б-ой встать и съ моей помощью пройти. Но тутъ я натолкнулся на существенное препятствіе: б-ая не захотѣла избавляться отъ параличей. Она сказала, что не встанетъ, будетъ отказываться отъ ѣды и умретъ. У меня возникла мысль, не подражаетъ ли она сыну, у котораго ноги и тѣло были мягкія, онъ слегъ, пересталъ ходить, потомъ ѣсть и умеръ. Мои предположенія въ дальнѣйшемъ не получили никакого подтвержденія: б-ая, вообще, очень охотно высказывавшаяся о своихъ переживаніяхъ, отказалась вовсе говорить на эту тему. Спустя нѣсколько дней, у б-ой вдругъ появился параличъ лѣвой руки.

Будучи совершенно убѣжденъ въ функціональности симптома и руководствуясь желаніемъ б-ой избавиться отъ него, я

попросилъ ее ясно представить себѣ движенія этой руки, заставлялъ двигать правой, въ результатѣ чего, спустя 5 минутъ, рука стала дѣйствовать. Я предложилъ больной продѣлать тоже съ ногами, однако получилъ рѣшительный отказъ. Чтобы покончить съ этими параличами, забѣгу нѣсколько впередъ. Насталъ день отъѣзда б-ой. Былъ поданъ экипажъ, а также носилки. Какъ разъ въ это время б-ая впала въ сомнамбулизмъ. Я могъ войти съ нею въ раппортъ. Она напередъ переживала свой отъѣздъ: видѣла себя у поѣзда лежащею на носилкахъ, потомъ въ томъ городѣ, куда должны были увезти ее. Я нарочно заставлялъ въ это время ходить б-ую, имѣя цѣль разбудить ее на ходу и такимъ образомъ зафиксировать функцію въ ея дѣйствіи. Разбудить, однако, ее произвольно мнѣ не удалось, и такъ какъ она стала обнаруживать желаніе присѣсть, я посадилъ ее въ противоположномъ углу комнаты. Когда б-ая проснулась и стала спрашивать, какъ она попала на другое мѣсто, я сказалъ, что пришла сюда сама и предложилъ пройти. Она наотрѣзъ отказалась. Экипажъ ждалъ, родные торопили. Мнѣ пришло на умъ, какъ послѣднюю мѣру, использовать инфантильность психики б-ой, ея большую любовь и наклонность удивлять и поражать другихъ своими необыкновенными талантами и неожиданными выходками. Я предложилъ ей одной безъ помощи другихъ предстать вдругъ передъ родными, удивить и обрадовать ихъ столь неожиданнымъ явленіемъ. Предложеніе мое было принято. «А въ самомъ дѣлѣ, какъ это забавно. Только вы должны мнѣ помочь. Какъ это вы говорите—представить себѣ ясно, вполнѣ ясно эту функцію (было сказано не безъ ироніи). Хорошо, сейчасъ. Я иду, я почти хорошо иду. Теперь я пойду безъ вашей помощи». Б-ая пошла и была, видимо, весьма польщена произведеннымъ эффектомъ.

Изъ другихъ симптомовъ, наблюдавшихся у б-ой, заслуживаютъ вниманія судороги, которыя появились вдругъ, при полномъ сознаніи, достигли большой интенсивности и причиняли ей сильныя боли.

Когда я пришелъ къ больной, она меня встрѣтила со словами: «Я потягиваюсь. Почему я потягиваюсь? Я не хочу потягиваться. Мнѣ больно.» Я предложилъ больной припомнить, не было ли у нея случая, когда бы она потягивалась такимъ образомъ, какъ въ данный моментъ. Она съ досадой отвѣтила, что такой случай, должно-быть, былъ и у меня. Я охотно согласился, но попросилъ ее все-таки припомнить.

можетъ быть, это было при особенныхъ обстоятельствахъ, когда она волновалась или была въ особенномъ горѣ, и она тотчасъ припомнила. Во время болѣзни сына, она часами держала его голову у себя на правой рукѣ. Рука затекала, спина застывала и, когда она передавала ребенка нянѣ, то, выйдя въ другую комнату, долго и съ чувствомъ большого облегченія потягивалась. Судороги у б-ой прошли, какъ только она начала припоминать этотъ случай. Еще другой симптомъ незначительный, но весьма демонстративный, представляетъ тоже немалый интересъ. На другой день, послѣ одного ночного припадка съ сомнамбулизмомъ, б-ая проснулась со слѣдующими навязчивыми движеніями. Согнутымъ указательнымъ пальцемъ правой руки она то и дѣло проводила по верхней губѣ—отъ средней линіи въ сторону. Губа почти вспухла, б-ая тѣмъ не менѣе продолжала эти движенія, не имѣя силъ прекратить эти манипуляціи и мучаясь тѣмъ, почему она не можетъ успокоиться и оставить эти движенія. По словамъ б-ой, это должно было имѣть связь съ ночнымъ припадкомъ. Я попросилъ мать б-ой разсказать подробно все, что было ночью. Когда она въ своемъ разсказѣ дошла до ветчины, которою она хотѣла во время ночного припадка покормить дочь, отказывавшуюся обыкновенно отъ ѣды, б-ая сразу отняла руку со словами: «Это я вытираю губу отъ жира». Она получила разрѣшеніе мучившей ее загадки и больше не стала продѣлывать тѣхъ движеній.

Въ анализѣ послѣдняго симптома, мнѣ кажется, можно быть увѣреннымъ, судороги же съ воспроизведеніемъ потягиваній нуждаются въ большихъ доказательствахъ. Б-ая и тутъ сама дала мнѣ въ руки факты, которые нельзя толковать и которые пришлось только записать. Въ одинъ изъ припадковъ съ сомнамбулизмомъ она воспроизвела сцену, когда сынъ лежалъ у нея на рукѣ. Она стала на колѣни у кровати, правую руку положила подъ воображаемую голову ребенка, другой стала гладить его. Она вступила съ врачемъ (въ данномъ случаѣ со мной) въ длинныя разсужденія относительно болѣзни сына, спрашивала, сколько шансовъ на выздоровленіе и т. п. Потомъ позвала няню, передала ей ребенка и, отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону, начала долго и облегченно потягиваться. Этимъ она съ несомнѣнностью доказала, что, фактъ этотъ, дѣйствительно, былъ въ прошломъ, а въ связи, идентичности его съ послѣдующими судорогами сомнѣваться было бы очень трудно. Своеобразнымъ въ данномъ случаѣ является то,

что судороги происходили въ состояніи полнаго сознанія; очевидно, имъ предшествовали какія-ниб. безсознательныя, или просто забытыя ассоціаціи, которыя незамѣтно подвели б-ую къ воспроизведенной сценѣ.

Еще одинъ симптомъ представляетъ интересъ въ этомъ случаѣ. Время отъ времени, не каждый день, у больной рѣзко краснѣла правая рука. Она горѣла. Объясненіе этого весьма оригинальное. Нѣсколько мѣсяцевъ т. наз. б-ая обратилась къ врачу по поводу здоровья сына, который вдругъ ни съ того, ни съ сего сталъ страдать безсонницей. Врачъ, обслѣдовавшій мальчика, нашелъ его совершенно здоровымъ и рекомендовалъ весьма простую мѣру, чтобы отучить его отъ такого баловства, каприза. Мать должна была въ ближайшую же ночь притти къ мальчику, приказать ему спать, а потомъ дать ему хорошаго шлепка, но такъ, чтобы рука горѣла. Б-ая это выполнила, причемъ успѣхъ, по ея словамъ, получился полный.

Подводя итогъ сказанному, можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ сказать, что б-ая, наслѣдственно отягощенная особа съ безусловно истерической конституціей, проявлявшеюся повышенною впечатлительностью, эмотивностью, внушаемостью и наклонностью психики расчленяться подъ вліяніемъ эмоцій на отдѣльныя самостоятельныя группы, получаетъ весьма большую психическую травму: смерть своего первенца. Нельзя не принять во вниманіе того, что б-ая жила этимъ первенцемъ. Онъ былъ единственнымъ существомъ, удовлетворявшимъ ея потребность въ чувствѣ. Имѣя въ виду, какъ наслѣдственную, такъ и личную фригидность б-ой, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ сказать, что это чувство къ сыну предохраняло ее отъ возможныхъ патологическихъ проявленій ея инфантильной сексуальности. Потеря такого ребенка сама по себѣ могла повлечь за собою неврозъ, однако, въ данномъ случаѣ можно догадываться, что имѣлись и другія причины душевнаго конфликта б-ой. Въ одномъ изъ сомнамбулическихъ приступовъ она стала переживать сцену отношеній съ лицомъ, оставшимся мнѣ неизвѣстнымъ. Говорила она съ нимъ на „вы". У нихъ было объясненіе по поводу ея чувствъ и ея холодности. Чувствъ своихъ къ нему она не отрицала и было видно изъ ея словъ и поведенія, что они у нея, дѣйствительно, имѣются, но она возмущалась его „гадкими желаніями, не понимала ихъ, называла себя маленькой, холодной дѣвочкой, уступала, отталкивала и, наконецъ, въ отчаяніи рѣшилась отдаться: „я знаю, слышала, это нужно

для вашего здоровья. Фу! Это—гадость. Но хорошо, я закрою глаза... дѣлайте, что хотите". Въ сценѣ, которая послѣдовала за этимъ, б-ая обнимала, цѣловала кого-то и только. Никакихъ другихъ движеній у нея не наблюдалось. Спустя нѣкоторое время б-ая перешла къ переживаніямъ, связаннымъ съ сыномъ. Она бурно вспоминала о какихъ-то предостереженіяхъ, упоминала числа 25 и 26-ое, пугалась ихъ, грозила кому-то, говоря, что, если съ ея мальчикомъ случится несчастіе, то ея проклятіе, проклятіе матери падетъ на чью-то голову и оно пройдетъ изъ рода въ родъ и погубитъ ихъ всѣхъ. То собиралась давать обѣтъ отказаться на всю жизнь отъ личной жизни, если только выздоровѣетъ ея сынъ. Одновременно колебалась, говоря, что вѣдь болѣзнь ея мальчика можетъ оказаться простой; какъ же тогда, ей жалко своей жизни, нѣтъ— она не можетъ дать такой обѣтъ. Тутъ съ несомнѣнностью можно сказать, что въ основную причину возникновенія душевнаго разстройства у б-ой (смерть сына) широкимъ и живымъ ручьемъ вливается стороннее вліяніе, оказавшееся весьма небезразличнымъ для нея. Въ чемъ, именно, состояло это вліяніе, приходится, къ сожалѣнію, говорить только предположительно. Во-первыхъ, что это за лицо, „гадкими желаніями" котораго возмущалась б-ая? Нѣтъ ничего удивительнаго, если это былъ мужъ. Однако, съ точки зрѣнія психологическаго анализа это не имѣетъ такого большого значенія. Кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, б-ая относилась къ нему небезразлично и, надо думать, что это время, которое совпало съ болѣзнью сына, было для нея особенно дорого. Возможная вещь, что б-ая была отвлечена отъ своихъ обязанностей и заботъ о сынѣ именно благодаря отношеніямъ съ этимъ человѣкомъ. То, что она, можетъ быть, просмотрѣла начавшееся нездоровье своего мальчика и послужило причиною или, лучше сказать, одной изъ причинъ появленія у нея душевнаго конфликта. Въ такомъ случаѣ становятся какъ-будто понятными ея переживанія, относящіяся къ предостереженіямъ, связаннымъ съ числами 25—26, и ея готовность дать обѣтъ отказа отъ своей личной жизни. Такое рѣшеніе могло возникнуть у б-ой и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, будь это мужъ, или другое лицо. Поэтому вопросъ этотъ кажется мнѣ не настолько важнымъ (то, что б-ая говорила на „вы", понятно, существеннаго значенія не имѣетъ).

Такъ или иначе сынъ умираетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ру-

шится для б-ой все. Она стоитъ передъ этой дѣйствительностью, и у нея двѣ, несознаваемыя, понятно, ею возможности: или признать фактъ и принять тяжелый крестъ немалыхъ мученій, терзаній совѣсти, безутѣшнаго горя; или же отказаться отъ дѣйствительности, сказать себѣ, что сынъ живъ и жить этой иллюзіей. Б-ая выбираетъ послѣднее, и надо только удивляться, съ какимъ мастерствомъ и поразительной изобрѣтательностью совершаетъ она скачекъ изъ этой невозможной для нея дѣйствительности въ міръ иллюзій и грезъ, связанныхъ съ здоровымъ, живымъ ребенкомъ, а также съ лицомъ, которое составляло предметъ ея сексуальныхъ переживаній. Она воспроизводитъ свои роды, видитъ новорожденнаго, переживаетъ первый, второй, третій годъ сына, подходитъ къ лѣту и дальше, понятно, не пойдетъ. Она вытѣсняетъ болѣзнь сына, смерть его и по логикѣ психоза совершенно права, не помня осени (болѣзнь, смерть ребенка), не признавая зимы. Она, конечно, видитъ снѣгъ и не можетъ не умозаключить, что на дворѣ стоитъ зима, но это воспріятіе не касается ея личности, не персоннифицируется ею, оно точно — изображеніе, картина (но непріятная, поэтому она прячется отъ нея за задвинутыми портьерами), а дѣйствительное ощущеніе, живое, неотвратимое чувство у нея совсѣмъ другое: на дворѣ жаркое солнце, голубое небо и въ саду играетъ ея сынъ. Тутъ имѣется своеобразное состояніе сознанія, частичное разстройство его: при полной оріентировкѣ въ окружающемъ, мѣстѣ, времени, лицахъ, б-ая какъ бы не сознаетъ опредѣленной группы представленій, при чемъ относится къ этому вполнѣ сознательно. Обычно, если сознаніе разстроено, то оріентировка тоже нарушена, ибо вѣдь послѣднее является лишь функціей перваго. Думается мнѣ, что тутъ противорѣчіе съ обычно наблюдаемыми фактами кажущееся и разстройства сознанія, пожалуй, что и нѣтъ вовсе. У б-ой имѣется полная оріентировка, сознаніе дѣйствительности; отсутствуетъ, однако, признаніе этой дѣйствительности, явленіе, основанное на фактѣ вытѣсненія и питающееся разнообразными ощущеніями, переживаніями, сопровождающими многочисленные припадки б-ой. Во время этихъ припадковъ она видитъ, слышитъ, ощущаетъ своего ребенка, ощущаетъ сильно, рѣзко, ласкаетъ часами, тискаетъ въ своихъ объятіяхъ и въ промежуткахъ между припадками, слѣдов. въ состояніи яснаго сознанія, ощущаетъ «на концахъ пальцевъ его тѣло», можетъ указать точно размѣры его рукъ, ногъ, головы, ту-

ловица», потому что все это она видѣла вотъ, вотъ сейчасъ. Тѣлесныя раздраженія вмѣстѣ съ переживаніями въ припадкахъ настолько интесивны у б-ой, что оставляютъ силу дѣйствія и на послѣдующее время въ состояніи яснаго сознанія. Если принять во вниманіе также явленіе вытѣсненія, то этихъ двухъ причинъ въ совокупности думается мнѣ, достаточно для возникновенія такого своеобразнаго и, повторяю, кажущагося разстройства сознанія у б-ой. Я нарочно остановился на этомъ вопросѣ, такъ какъ на предварительномъ сообщеніи д-ромъ Н. Е. Осиповымъ, моимъ старшимъ товарищемъ, которому я такъ многимъ обязанъ въ своемъ образованіи въ области вопросовъ психологическаго анализа, было обращено вниманіе.

Когда я говорилъ о припадкахъ больной, забылъ упомянуть, что припадки эти она могла вызывать по своему желанію. Желаніе же это появлялось у нея нерѣдко; она, какъ наркоманъ, нуждалась время отъ времени въ оживленіи своихъ переживаній съ сыномъ и лицомъ, о которомъ я говорилъ выше. Для этого ей надо было „проваливаться", причемъ это чувство, какъ она могла припомнить, было похоже на то, которое она испытывала раньше, когда трансировала на спиритическихъ сеансахъ. Окружающихъ она въ этихъ состояніяхъ не признавала за людей, называла ихъ астральными тѣлами, причемъ съ ней можно было вступить даже въ длинныя бесѣды, при нѣкоторомъ, конечно, навыкѣ осторожно и незамѣтно входить въ бредъ больныхъ съ сомнамбулизмомъ. По теоріи спиритовъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ началъ: духовнаго (астральнаго) и физическаго. Астральное тѣло можетъ отдѣляться отъ физическаго во время сна или со смертью человѣка, причемъ оно всегда сохраняетъ нить съ этимъ физическимъ тѣломъ. Глаза у больной въ это время были закрыты, болевая чувствительность была значительно понижена. Приходится думать, что раньше во время спиритическихъ сеансовъ, больная впадала въ истерическія состоянія подъ вліяніемъ окружающей обстановки и силою личнаго участія въ фиксированіи вниманія на опредѣленныя душевныя переживанія. Механизмъ перехода въ состояніе транса былъ ей извѣстенъ давно. Неудивительно, что она, „проваливаясь", вызывала у себя истерическіе припадки, въ которыхъ воспроизводила картины переживаній съ сыномъ и другимъ лицомъ.

Я совершенно не говорилъ о діагностикѣ даннаго слу-

чая потому, что она казалась мнѣ слишкомъ очевидной. Но на предварительномъ сообщеніи однимъ товарищемъ мнѣ было указано на то, что я недостаточно дифференцировалъ истерію больной отъ Корсаковскаго психоза. Я и тогда отвѣтилъ и теперь повторяю, что о корсаковскомъ психозѣ, конеччо, не можетъ быть рѣчи, потому что отсутствуютъ совершенно какъ физическіе, такъ и психическіе признаки этого заболѣванія: рефлексы у больной были сохранены, параличи отличались непостоянствомъ, были, слѣд.,—функціональные, не было характернаго для полиневритическаго психоза своеобразнаго измѣненія памяти и другихъ еще психическихъ особенностей. Эпилепсія тоже исключается, потому что вѣдь полной потери сознанія у больной не наблюдалось; въ извѣстныхъ случаяхъ возможно было съ ней войти въ раппортъ, а также разрушать нѣкоторыя изъ ея амнезій. Если принять теперь во вниманіе положительныя данныя, говорящія за истерію (геміанестезія, функціональные, излѣченные параличи, истерическій сомнамбулизмъ и т. д.), то послѣднія сомнѣнія въ этомъ отношеніи должны были бы совершенно отпасть.

Когда я согласился, по настоянію товарищей, доложить объ этомъ случаѣ на засѣданіи нашего психіатрическаго кружка „Малыя Пятницы", я не имѣлъ въ виду представить ихъ вниманію (а потомъ вниманію читателей) клинически разработанный случай (случай неоконченный,—б-ая находилась подъ моимъ наблюденіемъ лишь десять дней), а подѣлиться наблюденіемъ своеобразныхъ симптомовъ б-ой и выясненіемъ ихъ психическаго механизма. Мнѣ могутъ возразить, что въ такомъ психологическомъ анализѣ нѣтъ ничего новаго, и старые авторы, тотъ же Riché и другіе большіе знатоки истеріи всегда обращали огромное вниманіе на переживанія б-ыхъ во время ихъ, какъ судорожныхъ припадковъ, такъ и приступовъ самнамбулизма. Мой глубокоуважаемый учитель, проф. В. П. Сербскій, который, между прочимъ, на преніяхъ по поводу моего случая поддерживалъ эти возраженія, пишетъ въ своемъ учебникѣ психіатріи: „Тѣ сцены, которыя въ это время (въ третьемъ періодѣ) переживаются ими (больными), передаются при помощи выразительной мимики, словъ и пластическихъ положеній. Нерѣдко эти сцены относятся къ пережитымъ когда-то въ дѣйствительности событіямъ, преимущественно тѣмъ, которыя играли особенную роль въ ихъ жизни и даже послужили толчкомъ къ развитію самой болѣзни". Не признавать заслугъ прежнихъ авторовъ было бы

весьма странно. Никто не станетъ отрицать, что они стояли на правильномъ пути, слѣдуя положенію своего знаменитаго вождя, что истерія есть болѣзнь психическая par excelence, но они сдѣлали свое, и было бы съ другой стороны несправедливо замалчивать заслуги другихъ, болѣе молодыхъ учениковъ Charcot, какъ напр., P. Janet, который въ своей большой книгѣ L'automatisme psychologique, конечно, открылъ новые пути въ изслѣдованіи внутренняго міра истеричныхъ. Если прежніе, т. наз., старые, авторы наблюдали и описывали, то P. Janet сталъ уже входить въ раппортъ съ этими больными и въ своей виртуозности не разъ доходилъ до психологическаго эксперимента (См. Névroses et idées fixes). Бесѣды съ больными въ состояніи самопроизвольнаго и искусственнаго сомнамбулизма, въ состояніи разсѣяннаго вниманія (автоматическое письмо) и др. пріемы психологическаго анализа не были извѣстны старымъ авторамъ и стали вводиться впервые P. Janet. Впослѣдствіе Freud и Jung открыли также новые пріемы того же психологическаго анализа и этимъ значительно подвинули впередъ изученіе истеріи и другихъ психоневрозовъ. Теперь, и именно теперь, при нѣкоторомъ, вполнѣ понятномъ, равнодушіи къ различнымъ фазамъ истерическихъ припадковъ (вѣдь доказано, что въ подавляющемъ большинствѣ такихъ припадковъ фазы не наблюдаются и что четырехъ классная школа припадковъ типа Charcot въ значительной степени есть продуктъ стараго Сальпетріера), обращено особенное вниманіе на содержаніе психоза, теперь стало возможно болѣе правильное толкованіе симптомовъ, механизма происхожденія этихъ симптомовъ, благодаря чему мы имѣемъ большую возможность вліять на прекращеніе тѣхъ или другихъ истерическихъ разстройствъ. Въ преніяхъ по поводу этого случая на это указывалъ между прочимъ Н. А. Вырубовъ и я.

Приведенный мною случай, хотя и недоконченный, показываетъ, насколько важно въ практическомъ и теоретическомъ отношеніи содержаніе психоза, а также вскрытіе механизма происхожденія истерическихъ симптомовъ. Я находился въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для анализа, такъ какъ мнѣ довелось при большой интеллигентности б-ой и отсутствіи сопротивленія, идя по горячимъ слѣдамъ, дойти до момента условій возникновенія того, что потомъ предстало мнѣ въ видѣ болѣзненныхъ истерическихъ разстройствъ. Б-ая сама вскрывала механизмъ симптомовъ своей болѣзни и подтверждала вѣрность своихъ толкованій тѣмъ, что избавлялась

отъ болѣзненныхъ разстройствъ. (Считаю необходимымъ тутъ отмѣтить, что я намѣренно уклонялся отъ всякаго рода толкованій, зная по опыту большую субъективность и рискованность такихъ вмѣшательствъ). Врачу-психотерапевту хорошо извѣстно, съ какими трудностями сопряжено вскрытіе пружинъ, которыя создаютъ видимое выраженіе болѣзненныхъ проявленій, какъ рѣдко и туго идутъ больные на помощь врачу въ этомъ анализѣ и сколько симптомовъ еще остается неразгаданными. Мой случай показываетъ, насколько важно при возникновеніи тѣхъ или другихъ симптомовъ итти по свѣжимъ слѣдамъ, вскрывать ихъ механизмъ и не давать имъ возможности накладываться другъ на друга, засоряться мелочами и часто затемнять картину до неузнаваемости.

Товарищамъ врачамъ,—А. В. Вяхиреву, М. Г. Майзель и И. Е. Полякову, съ которыми такъ легко мнѣ работать, приношу свою искреннюю благодарность за любезное предоставленіе случая.

Формулировка двухъ принциповъ психическаго процесса.

Sigm. Freud.

Мы уже давно указывали, что всякій неврозъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, т. е. несетъ, вѣроятно, въ себѣ тенденцію вытѣсненія больного изъ реальной жизни, отчужденія его отъ дѣйствительности.

Подобный фактъ не могъ ускользнуть и отъ наблюдательности P. Janet; онъ говоритъ объ утратѣ „de la fonction du réel", какъ особенно характерной чертѣ невротиковъ, но, при этомъ, не объясняетъ связи этого разстройства съ основными причинами невроза [1]).

Введеніе процесса вытѣсненія въ генезисъ невроза дало намъ возможность понять эту связь. Невротикъ отворачивается отъ дѣйствительности, потому что признаетъ ее въ цѣломъ или въ частностяхъ—непереносимой, непріемлемой. Крайніе типы этого непринятія дѣйствительности даютъ намъ извѣстные случаи галлюцинаторныхъ психозовъ, отрицающіе тѣ событія, которыя повлекли за собой наступленіе безумія (Griesinger). Такимъ же образомъ поступаетъ каждый невротикъ съ какимъ нибудь кусочкомъ дѣйствительности [2]).

---

[1]) P. Janet. Неврозы. (Русск. пер. 1911).

[2]) Удивительно ясное предвидѣніе этой связи причинъ показалъ намъ недавно Otto Rank у Шопенгауэра. (Міръ, какъ воля и представленіе, т. 2. См. Zentralbl. f. Psychoanalyse, H. 1/2. 1910).

Передъ нами вырастаетъ, такимъ образомъ, задача изслѣдовать развитіе отношеній невротика и вообще человѣка къ дѣйствительности и ввести въ структуру нашего ученія психологическое значеніе внѣшней реальной жизни.

Въ психологіи, основанной на психоанализѣ, мы привыкли исходить изъ безсознательныхъ душевныхъ явленій, особенности которыхъ стали намъ извѣстны благодаря психоанализу. Мы считаемъ ихъ старѣйшими, первичными остатками той фазы развитія, когда единственно только они представляли собою проявленія душевной жизни. Наивысшую тенденцію, которой подчиняются эти первичныя проявленія, легко понять; ее можно назвать принципомъ удовольствія и неудовольствія (или короче принципомъ удовольствія). Эти душевныя проявленія направлены только на полученіе удовольствія; отъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ причинить неудовольствіе, психическая дѣятельность отвращается (вытѣсненіе). Наши ночныя грезы, наше бодрственное стремленіе освободиться отъ тягостныхъ впечатлѣній, это—остатки господства этихъ принциповъ и доказательство ихъ могущества.

Я возвращаюсь къ тому ходу мыслей, который я развивалъ въ другомъ мѣстѣ (въ общемъ отдѣлѣ толкованія сновъ), гдѣ я предполагалъ, что состояніе психическаго покоя первоначально нарушалось непреодолимыми внутренними потребностями. Въ такомъ случаѣ промелькнувшая мысль (желаніе) достигаетъ цѣли просто черезъ галлюцинацію, какъ это происходитъ всегда почью въ нашихъ сновидѣніяхъ [1]). Только отсутствіе ожидаемаго удовлетворенія, разочарованіе, влечетъ за собою уклоненіе этихъ попытокъ удовлетворенія на путь галлюцинацій. Психическій аппаратъ принужденъ вмѣсто себя поставить впередъ реальныя отношенія внѣшняго міра и добиваться реальныхъ измѣненій. Этимъ былъ введенъ новый принципъ душевной дѣятельности; дальше представленіе охватывало не только то, что пріятно, но что реально, даже если оно и не пріятно [2]). Это введеніе принципа реальности было шагомъ, приведшимъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ.

---

[1]) Состояніе сна воспроизводитъ намъ картину душевной жизни до знакомства съ дѣйствительностью, такъ какъ оно заранѣе предполагаетъ намѣренное отрицаніе послѣдней (желаніе въ снѣ).

[2]) Я хочу попытаться дополнить нѣкоторыми подробностями вышеуказанное схематическое изложеніе. Вполнѣ основательно можетъ быть сдѣланъ упрекъ, что подобный организмъ, подчиняющійся только принципу удовольствія и пренебрегающій реальностью внѣшняго міра, не могъ бы сохранить жизнь даже въ теченіе самаго короткаго времени, и вообще не могъ бы существовать, но допущеніе подобной фикціи оправдывается тѣмъ,

1 Прежде всего новыя требованія дѣлаютъ необходимымъ рядъ приспособленій психическаго аппарата, которыя могутъ быть отмѣчены нами только приблизительно, вслѣдствіе нашего недостаточнаго и неточнаго знанія. Повышеніе значенія внѣшней реальности подняло также значеніе обращенныхъ къ внѣшнему міру органовъ чувствъ и связаннаго съ ними сознанія, которое научилось понимать, кромѣ интересовавшихъ до сихъ поръ чувствъ удовольствія и неудовольствія, также и чувственныя воспріятія. Образовалась особая функція, стремящаяся періодически изслѣдовать внѣшній міръ, чтобы событія его стали извѣстны заранѣе, тутъ и возникло неотложное внутреннее побужденіе, потребность, вниманіе. Эта дѣятельность идетъ навстрѣчу чувственнымъ впечатлѣніямъ вмѣсто того, чтобы ожидать ихъ наступленія. Вѣроятно, одновременно возникла и система отмѣтокъ, которая хранила результаты этой періодической дѣятельности сознанія,—частица того, что мы называемъ памятью.

На мѣсто вытѣстенія, выбрасывающаго изъ запаса часть всплывающихъ, но не приносящихъ удовольствія представленій, выступаетъ впередъ безпристрастное сужденіе, которое должно рѣшать, правильно ли данное представленіе или нѣтъ, т. е. согласуется оно съ дѣйствительностью или не согласуется, и это рѣшается при помощи сравненія образовъ воспоминанія.

Двигательный оттокъ, служившій при господствѣ принципа удовольствія для облегченія душевнаго психическаго аппарата отъ нарастанія раздраженія и выполнявшій эту за-

что грудной младенецъ, лишенный ухода матери, представляетъ собою почти такую-же психическую систему. Онъ, по всей вѣроятности, галлюцинируетъ удовлетвореніе своей внутренней потребности, обманываетъ свое чувство неудовольствія повышеннымъ возбужденіемъ и отсутствіе удовлетворенія двигательнымъ оттокомъ--крикомъ и барахтаньемъ и переживаетъ благодаря этому галлюцинаторное удовлетвореніе. Онъ пріучается позже пользоваться этими реакціями намѣренно, какъ средствомъ выраженія. Такъ какъ воспитаніе грудного ребенка можетъ служить прообразомъ позднѣйшаго ухода за ребенкомъ, то господство принципа удовольствія можетъ кончиться только вмѣстѣ съ полнымъ психическимъ освобожденіемъ отъ родителей.—Прекрасный примѣръ закрытой отъ возбужденій внѣшняго міра психической системы, удовлетворяющей автоматически (по выраженію Bleuler'a) даже свои потребности питанія, даетъ намъ заключенный съ собственнымъ запасомъ пищи въ скорлупу птенецъ, материнскія заботы о которомъ ограничиваются только доставленіемъ тепла. Не столько для исправленія, сколько для расширенія схемы, о которой идетъ рѣчь, я допускаю, что для системы, живущей по принципу удовольствія, требуются приспособленія, при помощи которыхъ она можетъ избавить себя отъ раздраженій реальной жизни. Эти приспособленія являются только коррелатомъ „вытѣсненія", которое къ внутреннему чувству неудовольствія относится какъ къ чему-то внѣшнему и борется съ нимъ, какъ съ внѣшнимъ міромъ.

дачу при помощи направленія иннерваціи внутрь (мимика, проявленія аффекта),—получилъ теперь новую функцію, направленную къ цѣлесообразному измѣненію дѣйствительности. Онъ превратился въ дѣйствованіе.

Необходимая задержка двигательнаго оттока совершается съ помощью мыслительнаго процесса, который образовался изъ представленія. Мышленіе обладаетъ свойствами пріучить душевный аппаратъ переносить высочайшія степени раздраженія при полной задержкѣ двигательнаго оттока. По существу это—испытаніе дѣйствованію съ перемѣщеніемъ небольшихъ количествъ энергіи при ничтожномъ двигательномъ оттокѣ.

Для этого необходимъ былъ переносъ свободно перемѣщающихся запасовъ энергіи въ состояніе связанности, а это было достижимо при помощи повышенія уровня всего процесса накопленія энергіи. Мышленіе было, по всей вѣроятности, первоначально безсознательнымъ, поскольку оно поднималось надъ простымъ представленіемъ и обращалось къ отношеніямъ между впечатлѣніями отъ предметовъ и впервые получило дальнѣйшія необходимыя для сознанія качества, только благодаря соединенію съ словами.

2. Общій принципъ нашего душевнаго аппарата, который можно перевести на экономическій принципъ—бережливость въ расходованіи—обнаруживаетъ, повидимому, живучесть стремленія къ имѣющимся въ распоряженіи источникамъ удовольствія и трудности отказа отъ нихъ. При введеніи принципа реальности одинъ родъ умственной дѣятельности долженъ былъ отщепиться; онъ былъ свободенъ отъ изслѣдованія дѣйствительности и подчинялся только принципу удовольствія [1]). Это то, что называется фантазіей, которая зарождается вмѣстѣ съ играми дѣтей и, продолжая жить въ мечтаніяхъ, отказывается опираться на дѣйствительность.

3. Замѣна принципа удовольствія принципомъ реальности съ вытекающими отсюда послѣдствіями, схематически изображенная здѣсь какъ цѣльное, связное явленіе, въ дѣйствительности протекаетъ не сразу и не одновременно по всей линіи. Въ то время, когда совершается этотъ процессъ развитія инстинктовъ личности, сексуальный инстинктъ отстаетъ отъ нихъ въ значительной степени. Сексуальные инстинкты проявляются вначалѣ аутоэротически, находятъ удовлетвореніе

---

[1]) Такъ же, какъ народъ, богатство котораго зависитъ отъ разработки сокровищъ земли, оставляетъ извѣстную область въ первобытномъ состояніи, нетронутой культурой.

въ собственномъ тѣлѣ и вслѣдствіе этого не вырабатываютъ наклонности къ отреченію, которое вынуждается введеніемъ принципа реальности. Если, позднѣе, и начинается процессъ исканія объекта, то во всякомъ случаѣ онъ претерпѣваетъ длительный перерывъ въ скрытомъ состояніи, который задерживаетъ развитіе инстинкта до періода зрѣлости. Эти оба момента—аутоэротизма и скрытый періодъ—влекутъ за собой задержку въ психическомъ развитіи сексуальнаго инстинкта и очень долгое господство принципа удовольствія, который у многихъ людей и вообще никогда не исчезаетъ.

Вслѣдствіе этихъ отношеній, устанавливается съ одной стороны тѣсная связь между сексуальнымъ инстинктомъ и фантазіей, съ другой—между инстинктомъ «я» и дѣятельностью сознанія. Эта связь кажется намъ черезвычайно тѣсной, какъ у здоровыхъ, такъ и у невротиковъ, несмотря на то, что, благодаря этимъ соображеніямъ генетической психологіи, мы должны признать эту связь вторичной. Возможно, что подъ вліяніемъ продолжающаго дѣйствовать аутоэротизма, легкое, мгновенное удовлетвореніе фантазіей долгое время замѣняетъ сексуальный объектъ, реальный, но требующій усилій и времени. Вытѣсненіе остается въ царствѣ фантазіи могущественнымъ; оно пресѣкаетъ представленія in statu nascendi, прежде чѣмъ они дошли до сознанія, если только ихъ появленіе можетъ повлечь за собой неудовольствіе. Въ этомъ—слабое мѣсто нашей психической организаціи, которая бываетъ вынуждена отдавать во власть принципа удовольствія почти раціональные мыслительные процессы. Большое значеніе въ психическомъ предрасположеніи къ неврозу имѣютъ запоздалое воспитаніе сексуальнаго инстинкта въ уваженіи къ требованіямъ дѣйствительности и условія, которыя вызываютъ это запозданіе.

4. Какъ «я — удовольствіе» можетъ только, желать, стремиться къ достиженію удовольствія и уклоняться отъ неудовольствія, такъ и «я—реальность» не имѣетъ другой цѣли кромѣ стремленія къ пользѣ и сохраненія себя отъ вреда [1]). Дѣйствительно, замѣна принципа удовольствія принципомъ реальности означаетъ не уничтоженіе принципа удовольствія, а только укрываніе его. Отказываются отъ

[1]) Преимущество „я—дѣйствительности". передъ „я—удовольствіемъ прекрасно оттѣняетъ Bernard Jhaw въ слѣдующихъ словахъ: Быть въ состояніи избрать линію наибольшей пользы, вмѣсто того, чтобы подвигаться по линіи наименьшаго сопротивленія. (Человѣкъ и сверхъ-человѣкъ. Комедія и философія).

минутнаго, опаснаго по своимъ послѣдствіямъ удовольствія, чтобы получить позже на новомъ пути иное, болѣе надежное. Но эндопсихическое впечатлѣніе отъ этой замѣны такъ могуче, что оно отразилось въ особомъ религіозномъ миѳѣ. Ученіе о наградѣ въ загробной жизни за отреченіе—вольное или невольное—отъ земныхъ радостей, есть не что иное, какъ миѳическая проэкція этого психическаго переворота. Религіи, настойчиво преслѣдуя свою цѣль, могли достигать полнаго отреченія отъ радостей жизни обѣщаніемъ вознагражденія въ будущей жизни; но побѣды надъ принципомъ удовольствія на этомъ пути они не достигли. Эта побѣда скорѣе всегодается наукѣ, которая доставляетъ также интеллектуальное удовольствіе во время работы и обѣщаетъ въ результатѣ практическій выигрышъ.

5. Воспитаніе, безъ всякихъ колебаній, можетъ быть признано побудительнымъ средствомъ преодолѣнія принципа удовольствія, для замѣны послѣдняго принципомъ реальности; оно хочетъ облегчить каждому процессъ развитія личности, пользуясь для этой цѣли проявленіями чувства любви со стороны воспитателя и дѣлаетъ промахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда избалованный ребенокъ думаетъ, что эта любовь принадлежитъ ему безусловно и не можетъ быть отнята ни при какихъ обстоятельствахъ.

6. Искусство вноситъ въ своей особой области примиреніе обоихъ принциповъ. Художникъ есть прежде всего человѣкъ, отвернувшійся отъ дѣйствительности, потому что онъ не можетъ примириться съ предъявленнымъ къ нему требованіемъ отреченія отъ удовлетворенія инстинктовъ и предоставляетъ своимъ эротическимъ и честолюбивымъ желаніямъ полную свободу въ фантазіи. Но онъ находитъ обратный путь изъ этого міра фантазіи въ дѣйствительность, претворяя, благодаря особому дару, образы своей фантазіи въ новый, видъ реальностей, которыя признаются человѣкомъ драгоцѣнными отображеніями дѣйствительности. Онъ дѣлается извѣстнымъ образомъ дѣйствительно героемъ, королемъ, творцомъ, возлюбленнымъ, всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, не пробивая себѣ силой окружной дороги черезъ дѣйствительныя измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. Но онъ можетъ этого достичь только потому, что другіе люди испытываютъ то-же самое недовольство требованіями отреченія, потому что это недовольство—результатъ замѣны принципа удовольствія принципомъ реальности—само является кусочкомъ этой реальности [1]).

[1]) Сравн. то же самое у O. Rank'a, Der Künstler. Вѣна. 1907

7. Въ то время, когда, я «преживаетъ переходъ отъ «я—удовольствія» къ «я—реальности», сексуальный инстинктъ претерпѣваетъ тѣ измѣненія, которыя приводятъ его отъ первоначальнаго аутоэротизма черезъ различныя промежуточныя фазы къ любовному объекту въ цѣляхъ служенія функціи размноженія. Если вѣрно, что каждая ступень этихъ двухъ путей развитія можетъ быть гнѣздомъ предрасположенія къ позднѣйшему невротическому заболѣванію, то легко форму позднѣйшаго заболѣванія (выборъ невроза) поставить въ зависимость отъ той фазы развитія «я» и libido, при которой появилась задержка, предрасполагающая къ неврозу. Еще не изученныя, измѣнчивыя свойства обоихъ путей развитія, ихъ возможные сдвиги пріобрѣтаютъ, такимъ образомъ, значеніе, котораго нельзя было предвидѣть.

8. Странный характеръ безсознательныхъ (вытѣсненныхъ) процессовъ, къ которымъ каждый изслѣдователь привыкаетъ съ большимъ трудомъ, обнаруживаетъ себя въ томъ, что данныя дѣйствительности не имѣютъ для этихъ процессовъ никакого значенія, реальность мышленія противопоставляется внѣшней реальности, желаніе—исполненію, событію, какъ это и должно происходить при господствѣ стараго принципа удовольствія. Поэтому такъ трудно отличить безсознательныя фантазіи отъ воспоминаній, сдѣлавшихся безсознательными. Никогда не слѣдуетъ позволять себѣ примѣнять реальную оцѣнку къ вытѣсненнымъ, психическимъ образованіямъ и какія нибудь фантазіи считать симптомами, такъ какъ онѣ именно не реальны, или выводить откуда-нибудь изъ другой причины невротическое чувство грѣха, если не указывается никакого совершеннаго преступленія. Нужно примѣнять ту оцѣнку, которая принята въ той области, которую изслѣдуешь, въ нашемъ случаѣ—невротическую оцѣнку. Дѣлается, напр., попытка растолковать сонъ, въ родѣ нижеизложеннаго. Одинъ господинъ, ухаживавшій за своимъ отцомъ въ теченіе его долгой и тяжкой смертельной болѣзни, сообщаетъ, что въ ближайшіе послѣ его смерти мѣсяцы онъ нѣсколько разъ видѣлъ во снѣ, что отецъ его живъ, и онъ разговариваетъ съ нимъ по прежнему. При этомъ онъ имѣлъ крайне болѣзненное чувство отъ сознанія, что отецъ уже умеръ, и только этого не знаетъ. Для пониманія противорѣчиваго сна нѣтъ другого пути, какъ прибавка—«по его желанію» или «вслѣдствіе его желанія» послѣ словъ «что отецъ уже умеръ», и фразы—«потому что ему этого очень

хотѣлось» послѣ послѣднихъ словъ. Мысль сновидѣнія звучитъ такъ: для него является болѣзненнымъ воспоминаніемъ то, что онъ желалъ смерти отца (какъ освобожденія) при его жизни, и какъ было бы ужасно, если бы отецъ это подозрѣвалъ. Дѣло идетъ объ извѣстныхъ всѣмъ самоупрекахъ послѣ потери любимаго человѣка, а въ данномъ примѣрѣ упрекъ относится къ инфантильному значенію желанія смерти родителя.

Недостатки этой короткой, скорѣе подготовительной, чѣмъ исчерпывающей замѣтки, быть можетъ, скорѣе заслужатъ до нѣкоторой степени извиненія, если я издамъ ее безъ промедленія. Въ немногихъ фразахъ, относящихся къ психическимъ послѣдствіямъ приспособленія къ принципамъ реальности, я долженъ былъ высказать мнѣнія, о которыхъ я могъ-бы лучше умолчать, и подтвержденіе которыхъ будетъ стоить немалаго труда. Но я льщу себя надеждой, что отъ благосклоннаго читателя не ускользнетъ, гдѣ и въ этой работѣ начинается господство принциповъ реальности.

Перев. Н. В.

Обзоры.

Обзоръ журналовъ.

Zentralblatt für Psychoanalyse. I. Jahrg. H. 7/8.

Первая оригинальная статья д-ра Татьяны Розенталь «Каринъ Михаэлисъ: „Опасный возрастъ“ въ свѣтѣ психоанализа» въ переработкѣ автора была помѣщена въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году и потому возвращаться къ ней мы не будемъ.

Вторая статья Stefan v. Máday разсматриваетъ „Понятіе объ инстинктѣ“, къ опредѣленію котораго авторъ пытается подойти съ чисто психологической стороны. Главные выводы, къ которымъ приходитъ Máday, слѣдующіе:

Инстинктъ есть психическая элементарная функція моторнаго (эмоціональнаго, динамическаго, центрифугальнаго) характера; онъ (т. е. его дѣйственное состояніе, функціонированіе) представляетъ собою дѣйствіе акта познанія (каковы чувство, ощущеніе, представленіе, мысль), при посредствѣ котораго какъ сензорнаго (интеллектуальнаго, статическаго, центрипетальнаго) элемента онъ сочетается съ какимъ либо переживаніемъ (психическимъ рефлексомъ); инстинктъ (проявляясь, становясь дѣйственнымъ) съ своей стороны есть

причина всякой волевой дѣятельности (психическаго движенія, дѣйствованія).

Кромѣ этого общаго понятія инстинкта Máday, различаетъ еще два спеціальныхъ понятія инстинкта: понятіе частнаго инстинкта и основного инстинкта.

Понятіе частнаго инстинкта возникаетъ въ томъ случаѣ, если объединить всѣ тѣ проявленія инстинкта у опредѣленнаго животнаго или опредѣленнаго вида, которыя идутъ въ одномъ и томъ-же направленіи (инстинктъ вожделѣнія, отклоненіе непріятнаго, движенія, покоя), или направлены къ одной и той-же цѣли (питанія, защиты, выводки новыхъ поколѣній), или сосредоточены въ одномъ и томъже органѣ (половой инстинктъ, инстинктъ прикосновенія, обонянія).

Понятіе основного инстинкта возникаетъ въ томъ случаѣ, если объединить всѣ проявленія инстинкта (всѣ частные инстинкты) у опредѣленнаго животнаго или опредѣленнго вида и разсматривать ихъ съ точки зрѣнія единой цѣли—сохраненія рода.

Случай психоанализа „боязни покраснѣть" („Psyhoanalyse in einem Falle von Errötunggsangst als Beitrag zur Psychologie des Schamgefühls) приводитъ проф. Luzenberg. Боязнь покраснѣть проходитъ у паціентки черезъ всю жизнь и обнаруживается еще въ дѣтствѣ. Психоанализъ выяснилъ, что за этою боязнью скрывался страхъ осрамиться передъ людьми, въ дѣтствѣ тѣмъ, что она можетъ на улицѣ оставить позади себя червей (больная страдала глистами), затѣмъ, когда появились menses, то—капельки крови, въ замужней жизни покраснѣніе наступало изъ-за ревности мужа, изъ-за опасенія, что онъ ее можетъ подозрѣвать въ измѣнѣ. Въ періодъ вдовства она была свободна отъ этой боязни, и вновь она появилась у нея, когда дочь паціентки вышла замужъ, тогда ей стало казаться, что зять относится къ ней недостаточно внимательно. Luzenberg обращаетъ вниманіе, что здѣсь, во-первыхъ, собственно нѣтъ рѣчи о какихъ-либо комплексахъ и. во-вторыхъ, что этотъ случай можетъ получить объясненіе этнологическимъ путемъ. Какъ извѣстно, у первобытныхъ народовъ первые зародыши чувства стыда связываются съ выдѣленіемъ экскрементовъ и боязнью, что выдѣленіе ихъ можетъ быть замѣчено другими.

Въ „Случаѣ остраго автопсихическаго нарушенія сознанія" O. Juliusburger передаетъ исторію одного юноши, который страдалъ эпилептическими потерями сознанія и помраченіями его, во время послѣднихъ онъ совершалъ цѣлый рядъ сложныхъ поступковъ, съ внѣшней стороны имѣвшихъ цѣлесообразный характеръ. Съ помощью психоанализа возможно было вполнѣ объяснить ихъ и какъ на источникъ ихъ происхожденія указать на вытѣсненныя желанія, въ основѣ своей

сексуальнаго происхожденія. Само по себѣ страданіе имѣло видъ бѣгства въ психозъ. Въ общемъ описанный авторомъ случай не вноситъ новаго освѣщенія въ извѣстныя уже намъ положенія ученія Freud'a.

Статья д-ра Rosenstein'a „Динамическая психологія Julius Pikler'a и ея отношеніе къ психоанализу" носитъ спекулятивно-психологическій характеръ и не представляетъ большого интереса съ точки зрѣнія главныхъ задачъ нашего журнала, а потому останавливаться на ней мы не будемъ.

Д-ръ Д. Эпштейнъ (Кіевъ) далъ рядъ небольшихъ психоанализовъ, относящихся къ психопатологіи обыденной жизни. Всѣ наблюденія сдѣланы имъ надъ самимъ собою.

I. Примѣръ забыванія. Авторъ всегда отличался хорошей памятью на фамиліи паціентовъ. Но вотъ въ завѣдуемое имъ отдѣленіе поступаетъ больной съ верхушечнымъ пораженіемъ легкихъ, очень заинтересовавшій его. Фамилія больного была „Ксензенко" и эту фамилію авторъ никакъ не могъ запомнить. Психоанализъ: окончаніе фамиліи „енко" не можетъ имѣть значенія, такъ какъ это обычное окончаніе малорусскихъ фамилій. Съ словомъ „ксензъ", напротивъ того, у автора связываются непріятныя ассоціаціи—онъ вообще питаетъ извѣстную антипатію къ духовенству и въ частности къ католическому. Такимъ образомъ, забываніе фамиліи „ксензенко" можетъ быть сведено на вытѣсненіе слова „ксензъ".

II. Примѣръ оговорки. Два года у автора есть ассистентъ, который не только носитъ ту-же фамилію, что и онъ, но и то же отчество (автора зовутъ Давидомъ Яковлевичемъ, а ассистента—Львомъ Яковлевичемъ). Авторъ требуетъ отъ вспомогательнаго персонала извѣстной дисциплины и послѣдній побаивается его, тогда какъ ассистентъ отличается мягкостью и добротой, и потому сдѣлался любимцемъ всего персонала. Авторъ обратилъ вниманіе, что лица персонала очень часто, обращаясь къ нему, оговариваются и называютъ его именемъ ассистента, какъ бы думая въ душѣ: «какъ хорошо было бы, еслибы вмѣсто строгаго Д. Я. былъ у насъ добрый Л. Я.» Авторъ сказалъ объ этомъ своимъ сестрамъ милосердія и онѣ со смѣхомъ подтвердили это.

III. Примѣръ запрятыванія. Послѣдніе 3—4 года авторъ очень интересовался вопросомъ о туберкулезѣ и штудировалъ его какъ литературно, такъ и во время заграничныхъ путешествій. Недавно онъ конкуррировалъ на мѣсто директора туберкулезной лечебницы, но предпочтеніе было отдано другому лицу, что причинило автору много непріятнаго. Когда этотъ избранный товарищъ сдѣлалъ автору въ лестной формѣ предложеніе работать совмѣстно, то понадобились собранные матеріалы. Авторъ усиленно сталъ ихъ искать, но не могъ найти, и сдѣлать это могъ только при помощи своего слуги. Матеріалы лежали нетронутыми на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были раньше положены. Психоанализъ: это запряты-

ваніе и невозможность вспомнить, куда были положены матеріалы, очевидно, происходили изъ желанія отказаться отъ изслѣдованій въ области туберкулеза, послѣ того какъ авторъ обманулся въ своихъ надеждахъ.

IV. Примѣръ симптомнаго дѣйствія. Авторъ состоитъ преподавателемъ фельдшерской школы. Однажды въ аудиторію во время лекціи входитъ одна изъ слушательницъ (особа эксцентрическая и невропатическая) и, вмѣсто того, чтобы сѣсть на скамью, садится на край кафедры у ногъ лектора. Такъ продолжается и при слѣдующихъ лекціяхъ, несмотря на замѣчаніе лектора и смѣхъ слушательницъ. Психоанализъ: сидѣніе на краю кафедры должно было означать: «я хочу сидѣть у ногъ уважаемаго и любимаго учителя».

W. Stekel. Случай спотыканія при письмѣ. Тридцатилѣтній интеллигентный человѣкъ обнаруживалъ наряду съ симптомами навязчиваго психоневроза еще любопытное нарушеніе при письмѣ. Онъ постоянно останавливается и спрашиваетъ себя, такъ-ли написано и какъ должно быть написано. Вообще онъ пишетъ съ орфографическими ошибками, и кромѣ того почеркъ его носитъ инфантильный характеръ, столь свойственный многимъ невротикамъ; слова разорваны, иногда встрѣчаются лишнія буквы, такъ что можно было бы, пожалуй, говорить о параграфіи. Анализъ обнаруживаетъ, что уже съ ранняго дѣтства паціентъ «сексуализировалъ» буквы. Такъ, у него были любимицы буквы, особенно закругленныя, которыя производили впечатлѣніе «дыры». Также его занимали различные крючечки, тонкіе штрихи (Haarstriche) и росчерки, съ зачастую удивительной символикой. Подобный-же процессъ наблюдается и при заиканіи. Заики также сексуализируютъ рѣчь и играютъ съ буквами, съ быстрыми ими медленными произношеніями, остановками, и т. п. съ неутомимой фантазіей невротиковъ, которые гонятся всю жизнь за своими инфантильными источниками полового наслажденія.

Если взять любой отрывокъ письма паціента, то можно найти рядъ словъ, неправильно написанныхъ и относительно которыхъ паціентъ долго сомнѣвался, какъ собственно онъ долженъ ихъ вѣрно написать. Одно скоро становится яснымъ: это, что больной былъ, очевидно, въ сомнѣніи относительно вѣрности пути. Онъ имѣлъ всѣ основанія къ такому сомнѣнію. Онъ стоялъ съ своими религіозными убѣжденіями между двухъ лагерей, съ одной стороны глубоко религіозные почти фанатическаго духовника, съ другой—свободомыслящей, очень образованной матери. Въ своихъ мучительныхъ сомнѣніяхъ онъ нерѣдко обращался къ Богу съ просьбою указать вѣрный путь и «вести его десницей Своей». Это типическій случай Христова невроза. Онъ одновременно Христосъ и антихристъ, святой и чертъ, Павелъ и Іуда, смотря по настроенію и состоянію идентифицированія съ духовникомъ или матерью.

Первая ошибка, которую нашелъ авторъ, заключалась въ томъ, что было написано вмѣсто zeigen (показывать, указывать) Zeichen (отмѣчать). Онъ написалъ „zei“ совершенно расплывчато, и затѣмъ „споткнулся“, и долго обдумывалъ, какъ нужно написать zeigen или zeichen, и написалъ zeichen. Фраза гласила: „Я надѣюсь, что вскорѣ смогу показать, чего я могу достигнуть“. При ассоціированіи онъ сказалъ слѣдующее: „Слово указатель мнѣ непріятно. Я думаю объ указателѣ изъ Дантова Ада, который на „вѣчно“ указываетъ. Часы мнѣ вообще непріятны. Стрѣлка ихъ—Zeiger—указываетъ на приближеніе каждаго изъ насъ къ гробу. Также указательный палецъ для меня непріятное слово. Въ училищѣ это было для меня худшее. Я никогда не могъ показать (zeigen), что я выучилъ. Я никогда не могъ показать свои способности. Мнѣ припоминается, что въ дѣтствѣ у меня была привычка обнажаться и показывать все. За это часто меня наказывали. Позднѣе я сдѣлался очень стыдливымъ и стыдился даже предъ врачемъ что либо показать“. Дальнѣйшія звуковыя ассоціаціи идутъ въ томъ-же тонѣ. Съ словомъ zeichen (отмѣчать, знаменовать) дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Въ школѣ онъ поклялся Богу, передъ тѣмъ какъ идти спать, читать 20 разъ „Отче нашъ“, если Богъ охранитъ его отъ зла. Онъ сталъ клятвопреступникомъ, такъ какъ заснулъ послѣ третьяго раза. Сдѣлался невѣрующимъ и ожидалъ знаменія (Zeichen) отъ Бога. Его не было. Тяжелую болѣзнь свою онъ разсматривалъ какъ знаменіе и наказаніе отъ Бога. Всѣ слова суть знаменія. Слова, которыя заключаютъ сочетаніе буквъ „ei“, вызываютъ у него спотыканіе. При сочетаніи „ei“ ему всегда приходитъ въ голову слово „головка“—Eichel. Онъ никакъ не можетъ освободиться отъ своихъ сексуальныхъ фантазій. Ему всегда хочется всунуть букву h. Н для него всегда Haar—волосъ. Тутъ онъ приходитъ къ сценамъ, имѣвшимъ значеніе въ его юности, въ которыхъ Haar—волосъ всегда играетъ большую роль. Онъ разрушилъ себя раннимъ онанизмомъ и никогда не будетъ въ состояніи zeugen—имѣть потомство.

Другой примѣръ: онъ колебался, какъ написать слово „ziemlich“ (порядочно), черезъ одно или два „m“, т. е. Zimlich или Zimmlich. Оказалось, что при каждомъ слогѣ „Zim“ онъ, хочетъ или не хочетъ, долженъ думать о Zimmer—комнатѣ и Frauenzimmer—женской комнатѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о навязчивомъ процессѣ. На его языкѣ „Zimmt machen—дѣлать корицу“—означаетъ имѣть coitus. Важнѣе то, что онъ хочетъ избѣжать вопроса, ob es sich „ziemt—прилично-ли это“. Это было мученіе его юности. Всегда онъ слышалъ ужасное: „Das ziemt sich nicht—это неприлично“, въ особенности если онъ хотѣлъ что-нибудь показать (zeigen). Теперь о буквѣ „m“. „M“ означаетъ въ Германіи „марку“ (монета). Но онъ хотѣлъ бы всѣ „M“ отъ своихъ

родственниковъ. Онъ хотѣлъ-бы удвоить свое состояніе — два „m“.

Третій примѣръ: ему хочется слова Freude (радость) и freuen (радоваться) всегда писать съ буквою h. Такимъ образомъ—Freuhde и freuhen. Мы уже знаемъ, что H означаетъ Haar—волосъ. Ему хочется черезъ h, которое онъ пишетъ нѣмецкимъ шрифтомъ ɦ, избѣжать нѣкоторыхъ слишкомъ тягостныхъ для него ассоціацій. Таковыми являются: Freudenmädchen, Frau, Fräulein (проститутка, женщина, барышня). Нѣмецкое h символизируетъ для него phallus. Но кромѣ того, у него существуетъ еще рядъ ассоціацій съ словомъ Haar—волосъ, и это слово онъ бываетъ вынужденъ навязчиво произносить. Духовникъ угрожалъ ему: „Ни одинъ волосъ не можетъ упасть съ твоей головы безъ воли Божіей“. Его жизнь виситъ на волосѣ. Не слѣдуетъ ни у одного человѣка „Haar krümmen—трогать ни волоска“. Самсонъ потерялъ силу, когда Далила обрѣзала ему волосы. У него лысина, и онъ думаетъ, что это знаменіе (zeichen) того, что онъ много онанировалъ... Итакъ, за каждымъ неправильно написаннымъ словомъ таится вся мука его тяжелаго невроза.

Stekel не хочетъ дѣлать изъ этого случая широкихъ обобщеній, но считаетъ этотъ случай весьма демонстративнымъ и цѣннымъ. Извѣстно, что характеръ письма часто замѣтно мѣняется послѣ или даже уже во время психоанализа. Очевидно, что во многихъ случаяхъ рѣчь идетъ о тѣхъ же механизмахъ при письмѣ, какіе столь рѣзко выступаютъ въ данномъ случаѣ. И писчій спазмъ, по мнѣнію Stekel'я, имѣетъ отношеніе къ сексуализированію письма и представляетъ собою психическій эквивалентъ относительной импотенціи.

Otto Rank. Матеріалы къ фантазіямъ спасенія. Freud въ своемъ сообщеніи „Къ психологіи любовной жизни. 1. Объ особомъ типѣ выбора объекта у мужчины“ *) нашелъ слѣдующаго рода особенности у такихъ мужчинъ:

1. Эти лица обнаруживаютъ уже въ періодъ половой зрѣлости необыкновенное раздѣленіе объекта любви,—съ одной стороны—возвышенная, чистая женщина, соединять съ которой сексуальное наслажденіе они не рѣшаются, тогда какъ съ другой стороны признаютъ только публичную женщину, у которой они и ищутъ сексуальнаго наслажденія.

2. Они привязываются съ большою вѣрностью къ возлюбленнымъ и съ большимъ трудомъ съ ними разстаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ наклонность завязывать массу любовныхъ отношеній.

3 Они интересуются только женщинами, которыя не свободны и въ какой либо формѣ принадлежатъ другому,

4. и которыя въ сексуальномъ отношеніи имѣютъ дурную репутацію.

---

*) Русск. переводъ см. въ „Психотерапіи“, № 2, 1911. Стр. 62.

5. Они имѣютъ потребность дѣлать такихъ женщинъ своими возлюбленными, чтобы ихъ спасти.

Съ точки зрѣнія этихъ выводовъ Freud'a Rank и освѣщаетъ любовныя отношенія Henry Beyle'я, писавшаго подъ псевдонимомъ Stendhal'я, на основаніи его дневниковъ. Поэтъ въ первые дни ноября 1799 г., стало быть въ возрастѣ 16½ л., пріѣхалъ впервые въ Парижъ съ своей родины, изъ Гренобля, и дѣлаетъ такую запись: „Моя постоянная фиксированная идея по прибытіи въ Парижъ, идея, къ которой я возвращался по четыре—пять разъ въ теченіе дня, съ наступленіемъ ночи, если я выходилъ, въ каждый моментъ грѣзъ, была та, что прекрасная женщина, парижанка, находится въ большой опасности и я спасаю ее, черезъ что становлюсь ея возлюбленнымъ. Я ее полюбилъ съ такою страстью, что я долженъ былъ ее найти.—Эта глупость, о которой я никогда и никому не повѣдалъ, продолжалась лѣтъ шесть.

Что Stendhal, остававшійся всю жизнь неженатымъ, имѣлъ много любовныхъ связей (пунктъ 2 выводовъ Freud'a) и предпочтительно съ замужними женщинами (пунктъ 3), это видно изъ его біографіи. Но что онъ рано ввелъ въ жизнь рѣзкое раздѣленіе объекта любви, то подтверждаетъ не только его глубокое отвращеніе къ публичнымъ женщинамъ въ тотъ первый парижскій періодъ („публичныя женщины мнѣ противны", пишетъ онъ), но также и то установленное обстоятельство, что онъ страстно любилъ многихъ женщинъ, не желая вовсе обладать ими: „Въ дѣйствительности изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я любилъ, я обладалъ только шестью"; и онъ объясняетъ себѣ свою столь часто „несчастную" любовь весьма характерно: „Въ противоположность этимъ и еще болѣе многимъ другимъ я всегда былъ ребенкомъ; и потому я имѣлъ такъ мало успѣха". На это-же указываетъ другое мѣсто, въ которомъ также выступаетъ его сомнительная сексуальность. „Я оставилъ послѣ трехлѣтней привязанности женщину, на которую молился, которая меня любила, которая ни разу не отдалась мнѣ... Она имѣла очень дурную репутацію (пунктъ 4), несмотря на то, что имѣла одного единственнаго любовника".

Что указанный характеръ любовной жизни Stendhal'я можетъ быть сведенъ на раннее и очень интенсивное фиксированіе любовной склонности къ матери, на это указываетъ интересное признаніе въ его дневникѣ. Stendhal сообщаетъ: „Моя мать, Генріетта Геньонъ, была восхитительная женщина. Я былъ влюбленъ въ мою мать. Я долженъ сейчасъ-же прибавить, что я потерялъ ее, когда мнѣ было семь лѣтъ. Когда я любилъ въ шесть лѣтъ, мое чувство имѣло тотъ-же характеръ, что и въ 1828 г. (въ 45 лѣтъ), когда я страстно любилъ Альберту де-Рюпрембре... Я хотѣлъ постоянно цѣловать мою мать и желалъ, чтобы у нея не было дѣтей. Я цѣловалъ ее съ такимъ огнемъ, что она въ извѣстной

степени обязана была отстраняться отъ этого. Я ненавидѣлъ своего отца, если онъ приходилъ и прерывалъ наши поцѣлуи; я всегда хотѣлъ цѣловать ей грудь. Она не могла не платить мнѣ за мою откровенность, такъ какъ она замѣчала, что я ее люблю. Если я ее вновь обрѣту, то начну то-же самое... Я былъ настолько преступенъ, насколько это только возможно, я любилъ ея раздражающія любовныя ласки... Она умерла въ расцвѣтѣ своей красоты, молодости, такъ-что 45 л. назадъ я потерялъ то, что на землѣ я любилъ болѣе всего".

Эти нѣжныя отношенія къ матери создали враждебную установку къ отцу, и враждебность эта возрастала изъ года въ годъ. Уже со смерти матери маленькій Генри обнаруживаетъ сильное отвращеніе къ отцу, котораго обнимаетъ, только, насилуя себя. Позднѣе онъ пишетъ: „Никогда, можетъ быть, случай не соединялъ двухъ существъ, которыя имѣли бы такое большое отвращеніе другъ къ другу, какъ отецъ и я... Два черта были выпущены противъ моего несчастнаго дѣтства: моя тетка Серафія (которая заняла у него мѣсто матери) и мой отецъ".

Эта дѣтски преувеличенная ненависть противъ отца, ослабѣвающая вмѣстѣ съ ростомъ критической способности мальчика, можетъ, какъ показываетъ далѣе Freud, именно въ періодъ зрѣлости, когда отроку начинаютъ выясняться условія его будущаго и онъ носится съ мыслью о спасеніи матери отъ насилія отца (садистическое пониманіе отношеній родителей), эта ненависть можетъ логически повернуться такъ, что не за что быть благодарнымъ отцу ни вообще, ни за свое существованіе, и какъ родъ реванша всплываетъ фантазія, спасенія отца изъ большой опасности, фантазія представляющая враждебную противоположность нѣжной фантазіи спасенія матери: такъ какъ съ помощью этого дѣлается попытка подаркомъ жизни отплатить отцу за равноцѣнный подарокъ и этимъ освободиться отъ дальнѣйшихъ сыновнихъ обязательствъ. Эта относящаяся къ отцу идея спасенія, вслѣдствіе замаскировыванія психической цензурой и на основаніи инфантильнаго фантастическаго матеріала, можетъ представляться въ формѣ фантазіи спасенія императора или другого высокостоящаго лица. Почти какъ правило этотъ мотивъ связывается съ представленіемъ о внѣбрачномъ рожденіи и покинутости, отъ печальныхъ послѣдствій чего несчастное дитя охраняетъ принявшая его на попеченіе чета и спасаетъ будущаго героя для его великихъ судебъ. Отсюда, гдѣ мы отмѣчаемъ только отношенія позднѣйшихъ юношескихъ фантазій о спасеніи родителей къ фантазіямъ о рожденіи и спасеніи собственной персоны, мы обращаемся къ другой формѣ этой группы мотивовъ, гдѣ за невиннымъ, повидимому, мотивомъ принесенія себя въ жертву ради спасенія или отомщенія за отца, опять прорывается враждебный импульсъ устраненія отца.

Такая концепція, по Rank'у, даетъ ключъ къ психологическому пониманію типическихъ покушеній анархистовъ. Въ видѣ иллюстраціи Rank приводитъ случай анархиста Люккени, о которомъ заимствуетъ слѣдующія мѣста у Forel'я.

Въ сентябрѣ 1898 г. Люккени, какъ извѣстно, убилъ въ Женевѣ австрійскую императрицу Елизавету, за что былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію; онъ умеръ въ октябрѣ 1910 г. Forel сообщаетъ о немъ слѣдующее: Люккени родился въ 1873 году, внѣ брака, и былъ подкинутъ своею матерью. Послѣдняя была соблазнена полупомѣшаннымъ пьяницей, и затѣмъ переселилась въ Америку. Люккени въ Италіи существовалъ сначала на восемь, а потомъ на пять лиръ въ мѣсяцъ, и естественно долженъ былъ нищенствовать. Тѣмъ не менѣе онъ былъ интеллигентенъ и жаждалъ учиться; учился въ пріютѣ и нѣсколько въ школѣ и былъ въ юности прилеженъ и очень благороденъ, обнаруживалъ извѣстную доброту. По окончаніи военной службы онъ былъ служителемъ у принца В., такъ какъ солдатъ оказался ловкимъ, интеллигентнымъ и способнымъ къ физическимъ упражненіямъ. Но тамъ онъ оставался недолго, онъ скоро сталъ недовѣрчивымъ и гордымъ, заявилъ, что онъ не рожденъ для службы, и ушелъ...

„Другая патологическая черта его — тщеславіе; онъ обладалъ такимъ честолюбіемъ, которое граничило съ бредомъ величія. Онъ хотѣлъ получить постъ въ итальянскомъ правительствѣ. Для этого была необходима служба въ Африкѣ. Тогда онъ служитъ восемь мѣсяцевъ, возвращается съ хорошей аттестаціей и надѣется при помощи двухъ-трехъ писемъ къ властямъ получить назначеніе. Однако, остается безъ отвѣта. До этого онъ былъ роялистомъ и сторонникомъ авторитета власти. Рана, нанесенная его тщеславію и честолюбію, превращаетъ его въ анархиста... Немного нужно обстоятельствъ, чтобы изъ такихъ людей дѣлались преступники, анархисты, убійцы и въ частности цареубійцы“.

Дѣйствительно, Люккени пріѣхалъ въ Женеву съ намѣреніемъ убить герцога Орлеанскаго. Не найдя его, онъ узналъ, что въ Женевѣ находится императрица австрійская, и тотчасъ же измѣнилъ свой планъ, рѣшивъ убить ее. О мотивахъ такой перемѣны мы не имѣемъ свѣдѣній, но объяснить ее можно слѣдующимъ образомъ. Впрочемъ, скорѣе можно говорить не о мотивахъ, а объ условіяхъ, опредѣляющихъ перемѣну жертвы. Rank считаетъ, что недостатокъ отеческаго авторитета, который чувствовался бы Люккени въ дѣтствѣ и юношествѣ, а также то обстоятельство, что мать не заботилась о немъ и покинула его, могли содѣйствовать легкости сдвиганія аффекта съ мужского представителя власти на женскаго. Что его импульсы ненависти въ основѣ своей относились къ лицамъ мужского пола, показываетъ не только

первоначальный планъ убійства, но также повторявшіяся покушенія, которыя Люккени совершалъ въ періодъ заключенія какъ на стражу (его реальныхъ преслѣдователей), такъ и на высшаго представителя власти, директора тюрьмы (въ 1900 г.). Наконецъ, интересно, что на стѣнахъ камеры Люккени среди другихъ почтовыхъ карточекъ были карточки съ изображеніями императора и императрицы австрійскихъ, что, повидимому, свидѣтельствуетъ о признакахъ, можетъ быть, и патологически сдвинутой привязанности и потребности въ авторитетѣ у лишенныхъ родителей и покинутыхъ дѣтей.

М. Вульфъ (Одесса). Маленькія замѣтки изъ психоаналитической практики.

1. Къ символикѣ невроза. Напившійся рабочій въ гавани собиралъ на дорогѣ экскременты, подбрасывалъ ихъ и выкрикалъ: „это мои деньги".

2. Къ психологіи патологическаго опьяненія. Одинъ паціентъ, страдавшій Angstneurose'омъ, выпивши, бросился съ ножемъ въ обществѣ на своего двоюроднаго брата. О происшедшемъ не сохранилъ никакого воспоминанія. Анализъ: паціентъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ возлюбленной этого лица и разыгрывалъ двойственную роль. Онъ чувствовалъ свою виновность и безчестность, но не могъ побороть свою страсть къ этой женщинѣ (которую идентифицировалъ съ матерью) и порвать отношенія. Но между тѣмъ какъ въ душѣ онъ сознавалъ свою вину передъ двоюроднымъ братомъ (котораго идентифицировалъ съ отцомъ), въ безсознательномъ у него возгорѣлась противъ того ненависть и гнѣвъ. Алкоголь уничтожилъ задержки этической цензуры сознанія, и тогда внезапно прорвались враждебныя чувствованія *).

3. Къ символикѣ невроза. Паціентъ, страдавшій психической импотенціей на слово „лампа", далъ слѣдующія ассоціаціи: „Лампа это мошонка, стекло на верху это penis въ напряженіи.. нѣтъ, это не такъ,—лампа это мошонка, огонь это горячій, пылающій penis и стекло это вагина. Зажечь лампу, это совершить coitus." Затѣмъ, лампа напоминаетъ лампу его старшей дочери. Паціентъ 47 л., но выглядываетъ еще молодымъ человѣкомъ, два года назадъ потерялъ жену, отъ которой у него было четверо дѣтей; старшая дочь 19-лѣтняя дѣвушка его любимица. Четыре мѣсяца назадъ онъ больше по хозяйственнымъ соображеніямъ, нежели по склонности, женился на кузинѣ своей умершей жены и оказался въ бракѣ импотентомъ. Дочь (предметъ его безсознательныхъ сексуальныхъ желаній) хотя внѣшнимъ образомъ противъ втораго брака и ничего не имѣла, но въ существѣ-то дѣла это ей причинило непріятность, и она требовала себѣ отъ отца, какъ компенсаціи, особенной нѣжности и заботъ. Такъ,

*) Свои помѣтки объ идентификаціи съ матерью и отцомъ авторъ далѣе не развиваетъ. Н. В.

онъ долженъ былъ, прежде чѣмъ ложиться спать, зажечь ей лампу и поставить на ночной столикъ у ея кровати, между тѣмъ какъ она раздѣвалась въ его присутствіи. Такимъ образомъ, зажиганіе лампы стало символическимъ дѣйствіемъ, символическимъ coitus'омъ; такимъ путемъ они символически удовлетворяли ихъ взаимное сексуальное влеченіе. Когда же послѣ этого онъ шелъ къ своей женѣ, то у него уже „не было огня", онъ былъ импотентенъ.

4. Боязнь экзамена у женщинъ. Что боязнь экзамена, экзамена на зрѣлость у мужчинъ можетъ означать символическую боязнь предъ coitus'омъ, боязнь импотенціи, психоаналитикамъ хорошо извѣстно. Интересно, что боязнь экзамена можетъ имѣть такое же значеніе и у женщинъ.

Молодая дѣвушка, лечившаяся у автора отъ заиканія, однажды видитъ сонъ: „Я нахожусь въ классѣ и должна дать „пробный урокъ". Я стою и не могу выговорить ни одного слова. Учитель, ученицы всѣ тутъ. Мнѣ говорятъ, что я должна вернуться на свое мѣсто. Тогда идетъ дѣвица Л. и излагаетъ все хорошо. Учитель остается ею очень доволенъ". Паціенткѣ, дѣйствительно, предстояло для полученія учительскаго свидѣтельства дать пробный урокъ. Передъ этимъ испытаніемъ она чувствовала большую боязнь. Къ сну она ассоціируетъ такъ: „дѣвица Л. очень хорошая ученица, учитель къ ней очень добръ, она разсказываетъ даже, то между ними существуетъ тайная любовная связь, но этому я не вѣрю... Я не могу переносить учителя (такъ-же, какъ своего отца) и никогда не имѣла желанія стоять къ нему въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ Л.". Поэтому испытаніе, которое Л. выдержала хорошо, она можетъ не выдержать, и поэтому должна существовать какая-то связь между хорошо выдержаннымъ испытаніемъ и близкимъ любовнымъ отношеніемъ къ учителю.

Слѣдующія ассоціаціи разъясняютъ эту связь: выдержанное испытаніе даетъ право получить учительское свидѣтельство, воспитывать и обучать дѣтей. Это право матери. Этого она не хочетъ, она отказывается отъ этого естественнаго права матери. „Она не любитъ маленькихъ дѣтей, она испытываетъ боязнь, и отвращеніе къ нимъ, она не хочетъ имѣть маленькихъ дѣтей",—не хочетъ быть ни женщиной, ни матерью. Каждое проявленіе какого-нибудь сексуальнаго чувства пробуждаетъ у нея только „отвращеніе, протестъ и гнѣвъ", всякая сексуальность есть „грязь и животность", и на каждое сексуальное посягательство мужчины она реагируетъ, какъ говоритъ Adler, мужскимъ протестомъ *). Она не хочетъ отъ ненавидимаго учителя получить материнскія права. Ея молчаніе („я не хочу выговорить ни одного слова") есть протестъ, упрямство, боязнь предъ испытаніемъ въ послѣдней основѣ—боязнь предъ тѣмъ, чтобы „сдѣлаться матерью", производить дѣтей, боязнь предъ coitus'омъ. Такъ, „говорить" будетъ символомъ сексуальнаго акта.

*) О воззрѣніяхъ Alfred Adler'а см. „Психотерапія", 1911 г. Н. В.

5. Къ психологіи „невроза беременности". Молодая женщина на 3—4 мѣсяцѣ беременности обратилась къ автору съ жалобами на боли въ головѣ, животѣ, потерю аппетита, рвоту, глубокую подавленность, сильную боязнь оставаться одной въ комнатѣ, если мужа нѣтъ дома, боязнь войти въ темную комнату. Относительно ребенка, котораго она носила, ей приходятъ страшныя мысли: это будутъ преждевременные роды, это будетъ уродецъ, „появится на свѣтъ съ красными пятнами" и т. д. Ночью—тяжелыя, устрашающія сновидѣнія, днемъ - фантазіи. Одна изъ послѣднихъ фантазій была такая: „Три дня назадъ я легла въ постель и мнѣ вдругъ почудилось, что въ кухнѣ кто-то возится. Тотчасъ-же я представила себѣ въ фантазіи такую картину: „я беру лампу, иду въ кухню, умершая сосѣдка выскакиваетъ изъ своей комнаты, выбиваетъ у меня изъ рукъ лампу, лампа падаетъ на полъ, становится темно... въ этотъ моментъ у меня идетъ дитя... открываю дверь и выбѣгаю, сосѣдка бѣжитъ за мною, я устремляюсь въ лавку и прошу продавца, стоящаго тамъ: „спасите меня". Онъ протягиваетъ свою руку мнѣ навстрѣчу, но въ этотъ моментъ подскакиваетъ покойница и протягиваетъ между нами руку"... Женщина беременна въ четвертый разъ. Всѣ предшествующія беременности кончились преждевременно и сопровождались гибелью плода.

Затѣмъ, паціентка разсказала также свой послѣдній сонъ: „я родила здоровое, крѣпкое дитя, въ 13 фунтовъ вѣсомъ; черезъ полчаса ребенку стало плохо, я взяла его и поспѣшила къ доктору X. Докторъ X. изслѣдовалъ дитя, на шеѣ вверху оказалась дыра и чрезъ нее выступалъ мозгъ. У доктора засѣданіе, г. А. также тамъ, я просила спасти дитя. „Г-нъ докторъ, говорила я, спасите дитя, полчаса тому назадъ я родила хорошее, здоровое дитя, и теперь посмотрите, что изъ него сдѣлалось". Д-ръ X. отвѣчалъ: „что же вы дѣлаете, полчаса назадъ вы родили, вы истекаете кровью, комната полна крови, вы „презираемая" женщина, дитя, какъ бы то ни было, потеряно". Онъ взялъ дитя, положилъ на плоское блюдо, расширилъ головку пинцетомъ, показалъ мозгъ и сказалъ: „Смотрите, въ теченіе получаса дитя должно умереть".

Къ этому сну были слѣдующія ассоціаціи: „Мужъ постоянно говоритъ—„я приду черезъ полчаса"—и потомъ приходитъ черезъ четыре часа, это меня всегда раздражаетъ, такъ какъ онъ постоянно лжетъ и его дѣвочка также (женщина вторая жена, и ея мужъ имѣетъ ребенка отъ перваго брака), да онъ говоритъ еще, „что у дѣвочки это наслѣдственное отъ него". Я боюсь, что и мое дитя будетъ лгать, но я его не пощажу, я его лучше убью, чѣмъ оставить расти дурнымъ и испорченнымъ человѣкомъ".

„Полчаса" символизируетъ во снѣ лживость и испорченность мужа и отсутствіе общественнаго уваженія къ нему. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ принадлежалъ къ радикальной политической партіи, такъ-же какъ и паціентка. Потомъ онъ

сдѣлался политическимъ перебѣжчикомъ и всталъ въ хорошія отношенія съ властями. Радикальная партія объявила его предателемъ, общество отъ него отвернулось и онъ морально глубоко упалъ. Первый тяжелый истерическій припадокъ, который повлекъ за собой прекращеніе беременности, когда мужъ паціентки внезапно предсталъ предъ судомъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, вторые преждевременные роды—когда онъ былъ объявленъ политическимъ предателемъ.

Третій выкидышъ больной сдѣлалъ д-ръ X., лечившій и ея мужа; д-ръ X. обнаружилъ по отношенію къ паціенткѣ много участія и доброты. Онъ сдѣлалъ также попытку спасти ея мужа отъ моральной гибели и склонить къ тому-же г-на А. и другихъ лицъ. Къ этому имѣетъ отношеніе и засѣданіе въ сновидѣніи, упомянутое выше. Мужъ здѣсь идентифицируется съ ребенкомъ, онъ долженъ вслѣдствіе своей лживости и испорченности погибнуть, какъ его дѣти. Отвѣтъ доктора очень характеренъ: „Вы истекаете кровью, комната полна крови“ (т. е. комната суда, гдѣ происходитъ засѣданіе, которое выноситъ приговоръ объ ея мужѣ и его испорченности). Она „презираемая“ женщина (презираемая обществомъ), дитя какъ бы то ни было должно быть потеряно. Докторъ X. упрекаетъ ее за ея привязанность, вѣрность мужу, что она изъ-за мужа сдѣлалась презираемой женщиной и истекаетъ кровью. Но мужъ ея не будетъ спасенъ, комната суда полна крови его дѣлъ, онъ долженъ умереть.

Нужно прибавить, что мужъ ея маленькаго роста, уродливый, немного горбатый—и въ половомъ отношеніи не удовлетворяетъ жену; послѣдняя къ тому-же жалуется на ревность и дурное обращеніе съ его стороны. Она безсознательно ненавидитъ его, желаетъ его смерти и не хочетъ, хотя и безсознательно, имѣть отъ него ребенка. Ея опасенія и боязнь—только замаскированныя желанія, отъ которыхъ она скрывается бѣгствомъ въ болѣзнь, и уже три раза симптомы болѣзни привели къ прерыванію беременности, т. е. къ исполненію этихъ скрытыхъ желаній.

Авторъ имѣлъ съ больной всего два психоаналитическихъ сеанса, дальнѣйшему леченію помѣшала болѣзнь мужа. Однако, черезъ короткое время послѣ того прекратилась боязнь, рвота и т. д., и беременность пока протекаетъ правильно

E. Pulay. Неудавшееся поздравленіе. „Линцъ. 5. I. 1911. Дорогая Фрида! Сердечно поздравляю тебя и Адольфа съ помолвкой и желаю тебѣ прекраснаго и непріятнаго жениховства.—Сердечно привѣтствуетъ тебя, твоего жениха, Марту и Грету твоя вѣрная кузина Ирма“.

Pulay опискѣ „непріятнаго жениховства“ даетъ слѣдующее объясненіе. Онъ думаетъ, что при писаніи поздравленія корреспонденткѣ вспомнилось время собственнаго жениховства и она подумала: „мое было непріятно, будемъ на-

дѣяться, что твое не будетъ столь непріятнымъ". Предполагать внутреннее желаніе дурного нѣтъ основаній, такъ какъ 1) кузины почти не знали другъ друга и отношеній не поддерживали, 2) корреспондентка счастливая жена (4 мѣсяца какъ повѣнчана), и 3) женихъ ей не знакомъ (ревность и зависть, слѣдовательно, исключаются).

Въ реферативномъ отдѣлѣ этой книжки помѣщенъ довольно полный обзоръ русской психоаналитической литературы до 1911 г., принадлежащій перу нашего соотечественника д-ра М. Вульфа.

Н. Вырубовъ.

Рецензіи.

Carl Pelmann.—Psychische Grenzzustände. (Пограничныя психическія состоянія). 1909. Verlag von Feiedrich Cohen.

Книга эта, мастерски изложенная, составилась изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ широкой публикѣ. Соотвѣтственно этому Pelmann приноравливалъ свои очерки къ тому кругу лицъ, для которыхъ они предназначались. Онъ выбиралъ темы съ общимъ интересомъ и излагалъ ихъ достаточно популярно.

Прежде всего онъ выясняетъ трудность и относительность основныхъ понятій психіатріи. «Если мы представимъ себѣ, говоритъ онъ, разумъ и безуміе, какъ два переплетающихся однимъ краемъ круга, въ сегментахъ которыхъ помѣщаются пограничныя состоянія, тогда у насъ, правда, получится граница, но все-таки не будетъ пограничной линіи, указывающей намъ, гдѣ мы покидаемъ одну область и вступаемъ въ другую; переходъ отъ нормальнаго къ патологическому, отъ здороваго къ больному, отъ разума къ безумію—подвиженъ и неопредѣлененъ». Въ рукахъ психіатра нѣтъ масштаба, который онъ могъ бы положить въ основу своихъ оцѣнокъ. Не существуетъ «человѣка», въ абстрактномъ смыслѣ этого слова, есть только конкретные люди и потому собственно столько масштабовъ, сколько людей. Кромѣ того различные масштабы приходится еще выставить для различныхъ класовъ, расъ, возрастовъ, временъ. Ни патологія, ни физіологія, ни клиническія наблюденія не даютъ намъ яснаго и точнаго отвѣта на основной вопросъ психіатріи: «кого можно причислить къ душевно-больнымъ?» При неопредѣленности понятій свободной воли, при недостаточномъ знакомствѣ съ функціональной дѣятельностью мозга и еще меньшимъ съ отношеніями между мозгомъ и его функціями мы не выходимъ изъ области тавтологій или очевидно непріемлемаго положенія: «больны всѣ, не подходящіе къ золотой серединѣ».

Значительную помощь въ пониманіи отклоненій отъ нормы даетъ ученіе о наслѣдственности и о наслѣдственномъ вырожденіи. Подъ наслѣдственностью понимается біологическій законъ, въ силу котораго всѣ живыя существа даютъ индивидуумовъ того-же рода. Вмѣстѣ съ общей организаціей дѣтямъ передается и часть особенностей родителей; потомокъ наслѣдуетъ психическія свойства, физическія и духовныя способности своихъ предковъ. Что касается вырожденія, то, строго говоря,

нужно бы было называть такъ всякое отклоненіе отъ нормы. Но и тутъ приходится отказаться отъ точной научной формулы и ограничить это выраженіе только отклоненіями въ неблагопріятную сторону. Pelmann говоритъ о наслѣдственномъ вырожденіи тамъ, гдѣ въ результатѣ многочисленныхъ болѣзненныхъ состояній, вліяющихъ на мозговую и нервную систему предковъ, у потомковъ развивается ненормальное душевное состояніе.

Разобраться въ чрезвычайно сложныхъ процессахъ наслѣдственности, найти законы, ихъ регулирующіе—вотъ задача, поставленная себѣ современной наукой. Эта задача не носитъ чисто кабинетнаго, теоретическаго характера; съ ея рѣшеніемъ связаны насущные интересы культурнаго человѣчества. Какъ причины наслѣдственнаго вырожденія Pelmann выставляетъ, во первыхъ, исчезновеніе въ нашемъ обществѣ постоянной и свободной борьбы за существованіе, гарантирующей побѣду дѣйствительно наиболѣе сильному и приспособленному; „гдѣ, говоритъ Pelmann, у животныхъ естественный подборъ приносилъ побѣду лучшему изъ соперниковъ, тамъ у людей имѣютъ значенія совсѣмъ другія точки зрѣнія—положеніе и состояніе, и въ результатѣ получается передача по наслѣдству такихъ свойствъ, которыя безжалостно были-бы выброшены природой при свободномъ подборѣ“. Далѣе—доминирующее значеніе, которое пріобрѣлъ у культурнаго человѣка разумъ сравнительно съ инстинктомъ. «Инстинктъ, какъ руководящій принципъ, несравненно вѣрнѣе, какъ причина поступка несравненно дѣйствительнѣе, чѣмъ разумъ. Инстинктъ не можетъ заблуждаться, а всякое заблужденіе смертельно. Всѣ человѣческія добродѣтели имѣютъ свое начало еще изъ животнаго царства: выносливость, прилежаніе, мужество, любовь къ родителямъ, тогда какъ изъ человѣческихъ пороковъ $^2/_3$ человѣческаго происхожденія—проституція, пьянство, игра, ложь, экономическая эксплуатація».

Значительную долю вины за вырожденіе Pelmann кладетъ на «невѣрно понятую филантропію, которая разрываетъ всѣ преграды, поставленныя природой для защиты расъ».

Быть можетъ, съ очень многимъ изъ сказаннаго Pelmann'омъ нельзя согласиться, со многимъ можно спорить, но цѣнно и интересно уже то, что мысли эти высказаны много учившимъ и, вѣроятно, еще болѣе учившимся, много видѣвшимъ, много думавшимъ ученымъ. Въ цѣломъ рядѣ очерковъ онъ даетъ намъ, исходя изъ своихъ общихъ положеній, тонкіе анализы психическихъ типовъ отклоняющихся отъ нормы геніевъ и «тронувшихся», оригиналовъ и чудаковъ, коллекціонеровъ и дураковъ, бродягъ и лгуновъ, преступниковъ и пьяницъ, пророковъ и ясновидцевъ, вѣдьмъ и одержимыхъ и, наконецъ, подпавшихъ подъ душевныя эпидеміи, всюду выясняя, насколько это возможно, наслѣдственную предрасположенность, роль внѣшнихъ обстоятельствъ, соціальной среды.

Спеціальная глава посвящена одному изъ жгучихъ вопросовъ русской современности—самоубійству. Авторъ ни въ коемъ случаѣ не соглашается съ попыткой нѣкоторыхъ психіатровъ объявить всѣхъ самоубійцъ душевно-больными. «Мы видимъ, говоритъ онъ, въ какихъ широкихъ границахъ колеблется самоубійство у одного и того же народа въ различныя времена и при измѣнившихся условіяхъ жизни и какъ значительно повышается количество самоубійцъ въ такіе періоды, когда чело-

вѣческая жизнь сама по себѣ имѣетъ только небольшую цѣнность.... «во времена, когда головы людей не особенно прочно сидятъ на плечахъ». Но, конечно, внѣшнія условія не сами по себѣ создаютъ самоубійства; только меланхолія, истерія, неспособность вынести жизненную борьбу, наслѣдственные задатки, недостаточное воспитаніе (въ так. назыв. Schülerselbstmord) въ связи съ общественной атмосферой могутъ побѣдить жизненный инстинктъ.

Въ главѣ «Геній» даны психопатологическія характеристики Торквато Тассо, Ж. Ж. Руссо, О. Конта, Ф. Ницше, Едгара Поэ, Атадеуса Гофмана и пр.

Въ главѣ «Caesarenwahnsinn» между прочимъ имѣются характеристики Ивана Грознаго и Павла I.

Въ главѣ «Der Verbrecher der Masse» авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ Россіи и русскимъ сектантамъ.

Нельзя не признаться, что авторъ отличается, къ сожалѣнію, столь частымъ у западно-европейскихъ наблюдателей непониманіемъ русской психологіи, чего, впрочемъ, онъ и самъ не скрываетъ. Душа русскаго народа, замѣчаетъ онъ, представляетъ для насъ цѣлую цѣпь загадокъ и необходимо точное знаніе его литературы, чтобы хоть нѣкоторымъ образомъ охватить ее и понять такія явленія, какимъ представляется намъ Толстой. И насколько возможно Pelmann постарался это сдѣлать.

Въ общемъ въ этой книгѣ читающая публика получаетъ рядъ интересныхъ очерковъ, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ явленіямъ, расматриваемымъ съ единообразной точки зрѣнія. Они интересны въ одинаковой степени и для спеціалиста, и для людей, собственно психіатріи чуждыхъ, но интересующихся сложными проблемами душевной жизни.

Д-ръ Марія Кобылинская (Генуя).

L. Dugas. L'Education du caractère. (Воспитаніе характера). Paris, 1912. F. Alcan édit. 258 стр.

Задача автора, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи не столько описаніе конкретныхъ фактовъ, сколько обсужденіе общихъ вопросовъ, относящихся къ воспитанію характера: «Я не утверждаю, что это воспитаніе существуетъ, я стремлюсь выяснить, дѣйствительно ли оно есть и чѣмъ оно должно быть. Я не смотрю на него какъ на явленіе, которое достаточно анализировать и описать, но какъ на проблему, которую нужно поставить на обсужденіе, возможно точнѣе формулировать, и попытаться, хотя быть можетъ и преждевременно, разрѣшить». Къ проблемѣ воспитанія характера авторъ подходитъ съ исторически-философской точки зрѣнія, вслѣдствіе чего вся монографія получаетъ нѣсколько отвлеченный характеръ. Прекрасное изложеніе, масса тонкихъ критическихъ замѣчаній, систематическое, послѣдовательное изложеніе основныхъ положеній, но все это слишкомъ далеко отъ реальной дѣйствительности, что особенно даетъ себя знать въ такомъ вопросѣ, какъ воспитаніе характера, при рѣшеніи котораго, пожалуй, больше слѣдовало бы удѣлять мѣста описанію и анализу конкретныхъ случаевъ, а не сложнымъ философскимъ построеніямъ. Но несмотря на слишкомъ дидактическій характеръ, чтеніе этой книги не остается безплоднымъ и для того, кто подходитъ къ ней съ утилитарной точки зрѣнія; кромѣ общихъ разсу-

жденій, въ ней есть не мало интересныхъ мыслей и рядъ цѣнныхъ въ практическомъ отношеніи замѣчаній.

В. Лихницкій.

Otto Adler. Die mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes. (Anaestesia sexualis feminarum. Anaphrodisia. Dyspareunia). Недостаточное половое чувство у женщины. Berlin. Изд. II, исправ. дополненное.

Значеніе половой жизни для здоровья человѣка стало разсматриваться съ научной точки зрѣнія лишь въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Книга д-ра Adler'a „О недостаточномъ половомъ чувствѣ у женщины" является значительнымъ вкладомъ въ эту область науки. Связь между Anaestesia sexualis и многими, особенно душевными, заболѣваніями женщинъ была извѣстна врачамъ уже съ давняго времени, однако болѣе точными знаніями въ этой области мы обязаны анатомическимъ и физіологическимъ изслѣдованіямъ молодой науки о полѣ. О степени распространенія половой нечувствительности у женщинъ взгляды чрезвычайно расходятся, что въ сущности и не удивительно, такъ какъ анэстезія отнюдь не является продолжительнымъ состояніемъ; половое чувство женщины подвержено многочисленнымъ вліяніямъ и колеблется въ своей интенсивности. Извѣстны случаи упорной anaestesia sexualis, которая однако-же проходила при измѣненіи половыхъ отношеній. Кромѣ того, нельзя оставить безъ вниманія, что половая нечувствительность является большею частью продуктомъ воспитанія и соціальныхъ отношеній и что при измѣненіи таковыхъ значительно мѣняется также половая жизнь женщины. Мастурбація служитъ нерѣдко причиной анэстезіи sub coitu, но мастурбантки въ строгомъ смыслѣ слова не могутъ быть названы нечувствительными. Необходимо отличать Anaestesia sexualis отъ Dyspareunia. Важное значеніе имѣетъ отношеніе между мастурбаціей и дисменорреей съ одной стороны и Dysmenorrhea и Anaestesia съ другой. Важная роль боли при возникновеніи Anaestesia извѣстна, равно какъ и ея связь съ Parametritis atrophicans.

Что касается леченія, то его прежде всего необходимо начать съ мужа, такъ какъ половое чувство женщины зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія ея соучастника in sexualibus. Въ концѣ книги авторъ останавливается на правовомъ вопросѣ, поскольку anaestesia можетъ дать поводъ къ разводу.

Д-ръ Марія Кобылинская (Генуя).

Prof. Bassi. Gynaekologische Prophylaxie beim Wahnsinn. (Гинекологическая профилактика помѣшательства).

Въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ своей дѣятельности директоръ гинекологической клиники въ Генуѣ (Италія) проф. Bassi собираетъ и публикуетъ случаи, гдѣ имъ наблюдается вліяніе гинекологическихъ заболѣваній на душевную дѣятельность женщинъ. Въ 1911 году въ Revue mensuell de gyn. d'obst. et de ped. за ноябрь мѣсяцъ была помѣщена статья, въ которой Bassi высказывалъ тотъ взглядъ, что многія заболѣванія (психическія) женщинъ, діагностицируемыя какъ истерія и соот-

вѣтственно этому лечимыя бромомъ, гидротерапіей, электротерапіей, внушеніемъ и гипнозомъ, въ дѣйствительности представляютъ собой лишь маточныя заболѣванія. При излеченіи заболѣваній половыхъ органовъ исчезаютъ и всѣ психическія аномаліи. Самоубійства и попытки къ самоубійству многихъ такихъ несчастныхъ больныхъ вызываются часто функціональными и анатомическими отклоненіями въ половомъ аппаратѣ. Значительная часть криминальныхъ поступковъ женщинъ первопричиной своей имѣетъ функціональное или анатомическое заболѣваніе половыхъ органовъ. Преступленіе-же вызывается по какому-нибудь побочному поводу. Нерѣдко важную роль играетъ при этомъ время менструаціи. Нервныя и психическія заболѣванія возникаютъ нерѣдко на почвѣ не распознанныхъ въ свое время болѣзней матки и яичниковъ. Прогнозъ такихъ психическихъ заболѣваній зависитъ отъ продолжительности существующихъ болѣзней полового аппарата.

Въ этомъ 1912 году Bassi выпустилъ небольшую книжку на нѣмецкомъ языкѣ „Gynaekologische Prophylaxie beim Wahnsinn", гдѣ онъ продолжаетъ настаивать, что нѣкоторыя психически больныя женщины могутъ быть вылечены, при излеченіи имѣющагося у нихъ гинекологическаго заболѣванія, и въ доказательство публикуетъ 32 исторіи болѣзни, гдѣ психически ненормальныя и больныя женщины по окончаніи большею частью оперативнаго леченія избавляются отъ нарушеній ихъ психической дѣятельности. Фактъ причинной связи между гинекологическимъ и психическимъ заболѣваніемъ былъ разработанъ болѣе подробно 20 лѣтъ тому назадъ (1892 Schauta, Rohé, Schultze) и теперь лишь подтверждается Bassi. Фактъ особенной частоты гинекологическихъ заболѣваній у психически больныхъ женщинъ указывается Hobbs'омъ въ его статистикѣ. Этотъ американскій ученый нашелъ, что среди 1000 женщинъ, находившихся подъ его наблюденіемъ, 253, т. е. 25%, больны гинекологически. Важность гинекологическаго леченія для излеченія душевныхъ больныхъ подтверждается особенно Bassi, а также Schokaert'омъ. Успѣхъ леченія отнюдь не можетъ объясняться травмой, причиненной оперативнымъ воздѣйствіемъ, ибо операціи другого рода не оказывали никакого вліянія на ходъ психической болѣзни. Нервныя и психическія явленія, сопровождающія заболѣванія столь важныхъ органовъ, какъ половыхъ, извѣстны каждому врачу. Bassi указываетъ, что эти нервныя и психическія явленія могутъ повести къ нарушенію душевнаго равновѣсія. Заболѣванія женскаго полового аппарата чаще ведутъ къ нарушенію душевнаго равновѣсія, ибо на него возложены и болѣе значительныя функціи, однако нельзя отрицать и вліянія заболѣваній мужскаго полового аппарата на мозгъ, какъ это было доказано изслѣдованіями Cenis'a. Что касается причинъ такого вліянія, то Bassi объясняетъ ихъ отчасти autointoxication, благодаря ядамъ, производимымъ бактеріями, вызывающими гинекологическое заболѣваніе. Яды дѣйствуютъ или прямо непосредственно на нервные центры, или-же вызываютъ измѣненія кровообращенія, анемію или ненормальные приливы крови и въ зависимости отъ этого нарушенія движенія, чувствованія, рѣчи и т. д. (Вліяніе кровообращенія на развитіе психоза видно изъ тѣхъ неврозовъ, которые возникаютъ на почвѣ сердечныхъ заболѣваній, подчиняются колебаніямъ кровяного давленія и улучшаются при улучшеніи сердечнаго заболѣванія).

Нѣкоторыя психическія заболѣванія Bassi объясняетъ измѣненіемъ

внутренней секреціи въ зависимости отъ анатомическихъ болѣзненныхъ измѣненій полового аппарата. При чемъ нарушеніе секреціи можетъ выражаться какъ въ уменьшеніи, такъ и въ увеличеніи внутреннихъ секретовъ. Наконецъ, нѣкоторыя психическія заболѣванія могутъ быть объяснены истощеніемъ на почвѣ гинекологическихъ заболѣваній.

Какъ слѣдствіе своихъ изслѣдованій Bassi выставляетъ требованіе обязательнаго гинекологическаго изслѣдованія психически-больныхъ женщинъ до помѣщенія ихъ въ психіатрическія больницы и излеченіе имѣющихся заболѣваній.

На деталяхъ, на формахъ гинекологическихъ заболѣваній, особенно часто влекущихъ за собой измѣненія психической дѣятельности, я не останавливаюсь.

Д-ръ Марія Кобылинская (Генуя).

Рефераты.

B. Sidis. Fear, Anxiety and psychopatic Maladies. (Страхъ, тревога и психопатическія заболѣванія). Journ. of Abnormal Psychol. VI, 107.

B. Sidis одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей современной американской школы, авторъ цѣнныхъ трудовъ о внушеніи и гипнозѣ, выступилъ въ послѣднее время съ весьма интересной теоріей происхожденія неврозовъ и функціональныхъ психозовъ. Въ настоящей статьѣ, представляющей докладъ, сдѣланный на годичномъ собраніи Американской психопатологической ассоціаціи, онъ развиваетъ основныя положенія своей теоріи. Образованіе всѣхъ психопатическихъ заболѣваній (психоневрозовъ и функціональныхъ психозовъ) говоритъ Sidis, можетъ быть отнесено на счетъ одного основного инстинкта—инстинкта страха; чувство тревоги—не что иное, какъ одно изъ его проявленій. Мы въ условіяхъ современной культурной жизни рѣдко имѣемъ возможность испытывать страхъ въ его рѣзкой, стихійной формѣ, и склонны не придавать ему особеннаго значенія, но если понаблюдать жизнь дикарей и животныхъ, тамъ громадная роль, которую въ ихъ жизни играетъ этотъ инстинктъ, является очевидной. Инстинктъ страха—основной, самый могучій изъ инстинктовъ; современному культурному человѣку онъ остается въ наслѣдство отъ его предковъ и ждетъ только удобнаго случая, чтобы вновь проявиться. И всѣ разнообразные симптомы психопатическихъ заболѣваній представляютъ изъ себя не что иное, какъ проявленія этого инстинкта. Если ближе присмотрѣться къ симптомамъ страха, то мы въ нихъ узнаемъ симптомы различныхъ неврозовъ и психозовъ. „Всѣ функціональные психозы—не что иное, какъ обсессія инстинктомъ страха, обсессія то сознательная, то безсознательная“.

Самонаблюденіе, постоянный самоанализъ, наконецъ, различные внутренніе конфликты становятся патогенными и вызываютъ развитіе психоневрозовъ, только благодаря ихъ ассоціаціи съ инстинктомъ страха.

В. Лихницкій.

I. Coriat. The nature of sleep. (Природа сна). Journ. of Abnormal Psychology. VI, 329.

Настоящая работа представляетъ изъ себя попытку подойти къ разрѣшенію проблемы сна экспериментальнымъ путемъ. Собранный авторомъ матеріалъ весьма интересенъ, но къ сожалѣнію его нельзя резюмировать въ краткой замѣткѣ. Кромѣ наблюденій надъ людьми, находившимися какъ въ состояніи обыкновеннаго сна, такъ и въ гипнотическомъ, при которыхъ онъ пользовался капиллярнымъ электрометромъ, Coriat произвелъ рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій у различныхъ животныхъ. На основаніи своихъ опытовъ авторъ пришелъ къ заключенію, что необходимымъ условіемъ сна является полное разслабленіе мышцъ и кончаетъ свою статью такими словами:

„Дѣятельность сознанія зависитъ отъ периферическихъ раздраженій, исходящихъ отъ мускуловъ и органовъ чувствъ. Когда эти раздраженія уменьшаются, наступаетъ сонливость, когда они почти совершенно или совершенно отсутствуютъ—наступаетъ сонъ. Наибольшая часть этихъ раздраженій исходитъ отъ мускуловъ, находящихся въ состояніи нормальнаго тонуса или напряженія. Разслабленіе мышцъ не только сопровождаетъ сонъ, но, повидимому, предшествуетъ ему, и является однимъ изъ факторовъ, которые уменьшаютъ притокъ раздраженій въ сознаніе, какъ то видно изъ экспериментовъ съ капиллярнымъ электрометромъ. Многіе изъ лицъ, страдающихъ безсонницей, оставляютъ свои мускулы въ состояніи напряженія, волевого или невольнаго, что и мѣшаетъ наступленію сна. Зависимость сна отъ мускульнаго тонуса проявляется и въ томъ, что когда мы начинаемъ бороться съ дремотой, мы начинаемъ напрягать свои мышцы“.

В. Лихницкій.

Hirschlaff. Zur Psychologie und Hygiene des Denkens. (Къ психологіи и гигіенѣ мышленія). Zeitschr. für die gesamt. Neurol. und Psych. Bd. VI. 214.

Въ началѣ статьи авторъ критикуетъ детерминизмъ, видящій въ мышленіи процессъ, совершенно независящій отъ воли, подчиняющійся собственнымъ законамъ и дѣлающій сознаніе и волю пассивными зрителями игры представленій. Изъ представителей детерминизма авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Dubois.

Классическая психологія, видящая въ представленіяхъ конечные психическіе элементы и сводящая къ законамъ ассоціативной дѣятельности всѣ душевные процессы, по мнѣнію Hirschlaff'a, является слишкомъ примитивной и должна уступить мѣсто новымъ воззрѣніямъ на сущность душевной жизни.

Конечные элементы, къ которымъ приводитъ анализъ сложныхъ явленій психической жизни, для Н. слѣдующіе: 1) представленія, 2) сужденія, 3) чувствованіе и 4) волевыя дѣйствія (Willenshandlungen).

Изъ всѣхъ этихъ четырехъ элиментовъ наличность представленій является необходимымъ условіемъ возможности функціонированія остальныхъ элементовъ: „не представляя чего-нибудь, мы не можемъ ни судить, ни чувствовать, ни производить волевое усиліе. Но и при всѣхъ этихъ

психическихъ процессахъ мы имѣемъ дѣло съ первичными элементами, которые нельзя свести къ какимъ нибудь, другимъ, не нарушивъ единства душевной дѣятельности, такъ какъ съ ними къ представленіямъ присоединяется совершенно новый и своеобразный факторъ".

Вся психическая дѣятельность, по автору, можетъ быть сведена къ четыремъ психическимъ способностямъ (psychische Dispositionen): 1) способность къ внутренней концентраціи, 2) способность къ внутренней критикѣ, 3) способность къ чувствованіямъ и 4) внутренняя дисциплина.

Развитію этихъ основныхъ положеній посвящена большая часть статьи, причемъ изложеніе во многихъ мѣстахъ отличается неясностью и незаконченностью, что признаетъ и самъ авторъ. Послѣднія 6 страницъ отведены практическимъ задачамъ—гигіенѣ мышленія.

Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ гигіены душевной жизни—это возможность по желанію достигнуть полнаго или относительнаго прекращенія психической дѣятельности, т. е. возможно большаго покоя, отдыха. Для того, чтобы произвольно погрузиться въ такое состояніе, авторъ рекомендуетъ слѣдующіе пріемы: 1) Устранить всѣ рѣзкія раздраженія органовъ чувствъ. 2) Усиліемъ воли сдѣлать дыханіе болѣе ровнымъ и медленнымъ. 3) Фиксировать вниманіе на отдѣльныхъ фазахъ дыхательныхъ движеній. „Эта фиксація вниманія должна быть по возможности полной, чтобы заполнить все поле вниманія и устранить всѣ отдѣльныя представленія. Эта концентрація вниманія является центральнымъ пунктомъ всей системы моихъ упражненій". 4) Полное разслабленіе мускулатуры. 5) Подавленіе движеній вѣкъ. 6) Подавленіе зачаточныхъ рѣчевыхъ движеній. Разслабленіе глазныхъ мышцъ.

Всѣ эти пріемы служатъ не только къ достиженію возможно большаго покоя, но служатъ также и подготовкой къ выработкѣ правильной гигіенической душевной дѣятельности. Кто изучилъ и усвоилъ въ видѣ прочной привычки изложенные выше методы концентраціи и внутренней дисциплины, тому будетъ легко пользоваться тѣми же принципами и при всѣхъ формахъ дѣятельности въ обычномъ, бодрственномъ состояніи. При всѣхъ видахъ физической дѣятельности, не требующихъ особенной концентраціи вниманія, при всѣхъ побочныхъ и второстепенныхъ занятіяхъ, при выполненіи нашихъ повседневныхъ гигіеническихъ привычекъ, при всѣхъ полусознательныхъ, автоматическихъ или привычныхъ дѣйствіяхъ, отнимающихъ столь значительную часть нашего времени, какъ напр. при ходьбѣ, во время ѣзды на мѣсто работы, во время умыванія, ѣды, нужно, руководствуясь соображеніями гигіены, ограничить и довести до возможнаго минимума слишкомъ сильную дѣятельность фантазіи и неподчиненную нашей волѣ игру представленій и переживаній. Это удается достигнуть въ томъ случаѣ, если человѣкъ привыкаетъ при всѣхъ этихъ занятіяхъ стремиться къ внутренней дисциплинѣ и къ концентраціи вниманія, достигаемой при помощи фиксаціи его на дыхательныхъ движеніяхъ".

О томъ, какимъ образомъ при помощи внутренней дисциплины возможно достигнуть способности владѣть своими эмоціональными переживаніями, авторъ обѣщаетъ изложить въ одной изъ своихъ ближайшихъ работъ.

В. Лихницкій.

Общества и съѣзды.

III. Итальянскій конгрессъ неврологіи въ Римѣ *)

25—27 Октября 1911 г.

Общая тема: о природѣ истеріи, докладчикъ проф. A. Morselli.

Вмѣсто того, чтобы излагать свое личное мнѣніе или всѣ существующія гипотезы, относящіяся къ природѣ истеріи, что было бы невозможно, проф. Morselli счелъ болѣе удобнымъ критически разобрать главныя теоріи, оставляя въ сторонѣ другія, хотя бы и очень новыя, но близкія къ первымъ.

Въ цѣляхъ установленія порядка въ большемъ числѣ мнѣній, онъ раздѣлилъ ихъ на слѣдующія группы:

I. Теоріи эмпирическія (Democrites, Hippocrates, Galenus и проч.; Louyer Villermay, Landouzy и проч. и нѣкоторые современные гинекологи).

II. Теоріи невропатологическія (Georget, Valentiner, Briqué, Charcot и проч.).

III. Теоріи химико-токсическія (Gilles de la Tourette, Cathélineau, Joung, Biernacki, Vigouroux и проч.).

IV. Различныя анатомическія теоріи (Lépine, Dupuy, Galceran, Remond, Hoppe, Rosenthal, Bridges, Willis и проч.).

V. Теоріи біо-энергетическія (Joire, Orzanski и проч.).

VI. Теоріи физіо-патологическія (Raimond, Tanzi, Claude, Krafft-Ebing, Jelgersma, Grasset, Sollier и проч.).

VII. Теоріи психо-патологическія.

1. Теоріи интеллектуальныя:

а) Теоріи, основанныя на интегральности личности. (Janet, Morton Prince, Ronceroni, Binet-Simon Crocq, Schnyder и проч.).

б) Теоріи, основанныя на внушеніи (Russel и Reynolds, Charcot, Babinski, von Hellpach и проч.).

в) Теоріи, основанныя на представленіяхъ (Möbius, Strümpell, Ziehen и пр.).

2) Теоріи, основанныя на подсознательной сферѣ (Sidis, Myers, Gurney и пр.).

д) Теоріи, чисто интеллектуальныя (Dubois въ Бернѣ, Dupré, Roux и пр.).

2. Теоріи, аффективныя (Oppenheim, Binswanger, Vogt, Déjérine, Freud и пр.).

VIII. Теоріи біологическія (Мечниковъ, Claparède и проч.).

---

*) Rassegna di studi psichiatrici. Siena. Nowembre-Decembre. 1911.

IX. Теоріи отрицательныя (Bernheim въ Нанси, Hartenberg и проч.).

Всѣ эти гипотезы по мотивамъ, изложеннымъ въ докладѣ недостаточны для опредѣленія природы истеріи. Онѣ не проникаютъ въ сущность проблемы, потому что, выискивая причины болѣзненныхъ измѣненій, онѣ не стараются изучить причину самой болѣзни, симптомы которой являются только ея показателемъ.

Упускали изъ вида именно сущность проблемы, основу, почву, на которой можетъ развиваться психоневрозъ, и разстройство, которое служитъ причиной такой измѣнчивой симптоматологіи.

Наблюдается значительная разница во мнѣніяхъ различныхъ авторовъ; разница, происходящая отъ внутренняго расположенія наблюдателя и отъ матеріала, который попадаетъ подъ его наблюденіе. Несмотря на то, можно все таки обнаружить единодушное согласіе относительно локализаціи болѣзни. Истерія разсматривается, какъ заболѣваніе мозга, какъ психозъ или цереброзъ pallium'а и узловъ основанія мозга. На другомъ, не менѣе важномъ, пунктѣ сходится очень много теорій: на вопросѣ объ основѣ разстройства, которая служитъ причиной явленій.

Различные авторы хотя и высказываются различно, тѣмъ не менѣе признаютъ въ истеріи существованіе разстройства рефлексовъ кортикальныхъ транскортикальныхъ, субкортикальныхъ и въ особенности рефлексовъ психическихъ (Krafft-Ebing, Rajmond, Tanzi, Claude, Grasset Janet, Roncoroni, Ziehen, Jelgersma, Оршанскій, Joire, Crocq, Schnyder, Von Hellpach, Binet Simon и проч.). Предполагая это гипотетическое разстройство рефлексовъ (гипотеза, принятая въ настоящее время, за неимѣніемъ лучшей), истерическая личность, сложившаяся при такихъ условіяхъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, представляла бы слѣдующія черты характера: нарушенную реактивность, т. е. то быструю, то скорѣе замедленную трансформацію образа въ идею или въ дѣйствіе, совершенно особую внушаемость; инфантильную вообще психику. Истерія должна разсматриваться какъ конституціональное заболѣваніе, въ виду того, что доказана ея преемственность и ея внутренняя связь съ другими формами заболѣваній дегенеративнаго характера—психастеніей, циклотиміей, эпилепсіей, юношескимъ слабоуміемъ и пр. Чтобы дать опредѣленіе истеріи, необходимо предварительно выяснить, какія явленія надо разсматривать какъ истерическія, и каковы случаи, конечно, немногочисленные, которые можно считать типическими, точно отграничивая ихъ отъ всѣхъ истеровидныхъ или истерическихъ состояній, симптоматически обнаруживающихся при другихъ формахъ заболѣваній.

Перев. Н. В.

Verlag von Ernst Reinhardt in München.

Schriften des Vereins für freie psychoanalytische Forschung, herausgegeben von dr. Alfred Adler [1]). Heft 1.

PSYCHOANALYSE UND ETHIK

Eine vorläufige Untersuchung von Dr. Karl Furtmüller.

48 Seiten. Preis Mk. 1.

Къ читателямъ.

Мысль объ учрежденіи „Союза свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія“ высказана была въ іюнѣ 1911 г. нѣкоторыми сочленами „Вѣнскаго психоаналитическаго общества“, стоявшаго подъ руководительствомъ проф. S. Freud'a, которые увидѣли, что членамъ стараго союза хотятъ навязать ученіе и теоріи Freud'a во всемъ ихъ объемѣ. Такое явленіе казалось имъ не только трудно совмѣстимымъ съ общими основными требованіями научнаго изслѣдованія, но представляющимъ особую опасность въ такой молодой наукѣ, какъ психоанализъ. Принуждать къ поспѣшному принятію извѣстныхъ формулъ и тѣмъ лишать возможности предпринять новыя попытки разрѣшенія вопросовъ,—по мнѣнію этихъ сочленовъ, означало —ставить вопросъ надъ цѣнностью всего до сихъ поръ добытаго. Ихъ убѣжденность въ рѣшительномъ значеніи психоаналическаго метода и постановкѣ проблемъ дѣлало для нихъ научнымъ долгомъ всестороннее обезпеченіе независимости психоаналитическаго изслѣдованія.

Въ октябрѣ 1911 г. „Вѣнское психоаналитическое общетсво“ объявило недопустимымъ одновременное участіе въ обоихъ обществахъ, и вслѣдствіе этого извѣстное число членовъ стараго общества покинуло его. Такимъ образомъ, между „Союзомъ свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія“ и замкнутой организаціей „Интернаціональнаго психоаналитическаго общества“ нѣтъ никакихъ отношеній. Мы считаемъ своей обязанностью подчеркнуть это здѣсь, такъ какъ мы считали-бы несправедливымъ, если-бы научная критика стала бы возводить отвѣтственность за наши работы на людей, отъ которыхъ мы отклоняемся въ нашемъ пониманіи основныхъ положеній свободной научной работы. Съ своей стороны, мы желали-бы, точно также, чтобы и насъ судили на основаніи нашихъ собственныхъ работъ.

Президіумъ „Союза свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія“.

Предисловіе издателя.

„Записки Союза свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія“ преслѣдуютъ цѣль примѣненія эмпирически добытыхъ выводовъ психологіи неврозовъ, къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ философіи, психологіи и педагогики, поскольку они относятся къ этимъ послѣднимъ. Нами руко-

---

[1]) Редакція позволяетъ себѣ обратить вниманіе читателей на это новое изданіе. Н. В.

водитъ мысль, что въ вопросѣ о „смыслѣ“ психическаго процесса можно видѣть какъ его причину, такъ и его направленіе и цѣль, его элементы и его цѣлое. Поэтому мы говоримъ, что при нашемъ психологическомъ анализѣ мы отдаемъ мѣсто цѣлевому представленію, которое руководитъ нами при изслѣдованіи проблемы или личности. Но индивидуумъ или явленіе, съ нашей точки зрѣнія, которой мы всегда придерживаемся, является картиной непрерывнаго развитія, микрокосмомъ, символомъ цѣлаго. Поскольку мы изслѣдуемъ генезисъ явленія, сравнивая различные пункты, нашъ способъ изслѣдованія будетъ сравнительнымъ, распространяющимся на индивидуума. Такъ какъ мы хотимъ вывести пониманіе личности изъ ея прошлаго и будущаго, мы считаемся съ факторами развитія. Въ динамикѣ человѣческой психики мы видимъ всѣ направленія обусловленными незсознательно, непрестанно дѣйствующей цѣлью. Отъ нея зависитъ формовка индивидуума, направленіе его мыслей и желаній и характеръ его личности. Неистощимая сила человѣческихъ требованій и желаній вытекаетъ изъ святости руководящей идеи. Понять, откуда она происходитъ, является ли выраженіемъ міровоззрѣнія искусства, науки или религіи, это—задача, которую мы себѣ ставимъ въ нашей работѣ. Такимъ образомъ, обнаруживается, вскрывается и дальнѣйшій характеръ нашихъ воззрѣній, какъ планомѣрнаго наблюденія психическихъ процесовъ такъ, какъ они протекаютъ подъ воздѣйствіемъ одной безсознательно руководящей идеи.

Въ этомъ смыслѣ тѣлесныя свойства человѣка являются символомъ, который опредѣляетъ его настоящее, его будущее, его судьбу. Форма и дѣятельность тѣлесныхъ органовъ—показатели ихъ цѣнности и даютъ картину положенія, занимаемаго ихъ обладателемъ въ жизни. Въ душѣ ребенка отражается относительная недостаточность (Minderwärtigkeit) его тѣлесныхъ органовъ и вызываетъ въ ея глубинѣ чувство неувѣренности въ жизни. При такой печальной самооцѣнкѣ и смутныхъ знаніяхъ ребенокъ строитъ свой жизненный планъ. Онъ придерживается его тѣмъ строже, чѣмъ сильнѣе его чувство недостаточности стремится къ компенсаціи. Планъ жизни, это—внѣшняя опредѣляющая его желанія граница, и онъ старается выполнить этотъ планъ среди потока, среди хаоса явленій, среди дѣйствительности, требующей дѣяній. Ученіе о недостаточности органовъ, о психической компенсаціи и тенденціи защиты соприкасается съ древней народной мудростью и приводитъ геніальныя утопіи старыхъ авторовъ на путь науки.

Такъ прилагается ученіе о формахъ человѣческаго выраженія къ другимъ вопросамъ нашей науки. Мы слѣдимъ за нимъ въ жизни и игрѣ ребенка и взрослаго, въ его аффектахъ, въ его дѣятельности и болѣзненныхъ душевныхъ явленіяхъ. Наша работа ставитъ себѣ также цѣлью пониманіе руководящей линіи морали и этики, разнообразныхъ воззрѣній народной души, въ внутренней жизни художника, въ жизни здороваго и измѣненнаго болѣзнью человѣка.

Союзъ, отъ имени котораго я издаю «Записки», долженъ стать воспитателемъ нашей науки. Работы, предназначенныя къ печатанію, подготовлялись въ немъ совмѣстно. Онѣ покажутъ, что мы не оспариваемъ значенія и другихъ точекъ зрѣнія и другихъ направленій въ психологіи. Но мы отстаиваемъ за собой право не придерживаться до-

гматовъ и идти по собственной дорогѣ. Къ совмѣстной работѣ приглашаются всѣ, кто признаетъ значеніе нашего направленія. Мы разсчитываемъ не встрѣтить у нашихъ читателей того предубѣжденія, которое такъ часто встрѣчаютъ новыя работы и открытія.

Д-ръ Alfred Adler.

Готовятся къ печати:

Alfred Adler: Masturbation und Neurose.
Felix Asnaurow: Sadismus und Masochismus in der Erziehung.
Robert Freschl: Das Griselda-Problem.
Hermann Frischauf: Zur Psychologie des jüngeren Bruders.
Gustav Grüner: Die Mutterleibsphantasie. (Mit einer teilweisen Psychoanalyse von Shakespeares „Hamlet.")
Otto Kaus: Der Fall Gogol.
Paul Loewy: Das Unlustprinzip in der Neurosenpsychologie.
Paul Schrecker: Bergsons Philosophie der Persönlichkeit und das Persönlichkeitsideal.
Leopold Erwin Vexberg: Erotik und Übertragung.

Редакторъ-издатель Н. А. Вырубовъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII-й.

Принимается подписка на 1912 годъ

НА

ЖУРНАЛЪ

НЕВРОПАТОЛОГІИ И ПСИХІАТРІИ

имени С. С. КОРСАКОВА,

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ, при Московскомъ университетѣ, подъ редакціей

А. Н. Бернштейна, Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Россолимо, В. К. Рота и В. П. Сербскаго.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 10 листовъ и содержитъ:

1) Оригинальныя статьи по невропатологіи и психіатріи, криминальной антропологіи, судебной психопатологіи, психологіи, педагогическимъ вопросамъ. 2) Рефераты. 3) Корреспонденціи и отчеты съѣздовъ и засѣданій обществъ. 4) Рецензіи книгъ. 5) Хроника и смѣсь. 6) Объявленія. приложенія: a) Библіографическій указатель статей и книгъ по невропатологіи и психіатріи; b Протоколы Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ съ пересылкой и доставкой—10 руб.; за границу—12 руб. Цѣна за объявленія въ 1 стр.—25 р.; за 1/2 стр.—15 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Неврологическій Институтъ.

Типографія Штаба Московск. военн. округа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи".

Редакціонный Комитетъ:

(психіатрія): М. Ю. Лахтинъ, В. И. Семидаловъ, С. А. Сухановъ.
(неврологія): А. М. Гринштейнъ, В. Э. Дзержинскій, М. А. Захарченко, Н. Н. Якунинъ.

Ближайшіе сотрудники: Л. М. Астауровъ, В. А. Вышеславцева, А. О. Геймановичъ (Харьковъ), А. А. Говсѣевъ (Кіевъ), М. С. Доброхотовъ (Полтава), Ѳ. М. Думашевъ, Г. И. Іосифовъ, Я. С. Кацнельсонъ (Смоленскъ), С. Д. Карапетовъ, А. М. Кожевниковъ, С. М. Родіоновъ, Н. И. Скляръ (Тамбовъ), Д. А. Смирновъ, А. А. Суховъ, Н. Г. Тарановичъ, С. П. Чернышевъ, А. А. Юдинъ.

Редакторъ **М. Ю. Лахтинъ**.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, въ размѣрѣ 3-хъ печатныхъ листовъ. Первый номеръ выйдетъ въ апрѣлѣ.

Подписная цѣна 8 р. въ годъ; въ настоящемъ году 6 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Красносельская ул., близъ Елоховской площади, домъ № 65. Тел. 108-61.

ИЗД. съ 1904 г.

ФИЗИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЖУРНАЛЪ

по физическимъ наукамъ и ихъ приложеніямъ въ школѣ, техникѣ и любительской практикѣ.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЖУРНАЛА:

Астрономія. Радіоактивныя явленія и Электронная теорія. Самодѣльные приборы. Химія любителя.

Воздухоплаваніе. Домашняя электротехника. Любительская фотографія. Переписка читателей. Запросы и отвѣты.

Подписной годъ учебный съ августа по май. 20 №№ въ годъ.

ЦѢНА **3 р.** ВЪ ГОДЪ.

Наложеннымъ платежемъ на вышедшіе №№ 3 р. 20 к.

Отзывы печати, подробная программа, образцы рисунковъ, содержаніе за прошлые годы и каталоги изданій и діапозитивовъ высылаются безплатно по первому требованію.

ПРИ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

1) СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ „ФИЗИКА-ЛЮБИТЕЛЯ".

2) СКЛАДЪ ДІАПОЗИТИВОВЪ ДЛЯ ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ.

Гор. НИКОЛАЕВЪ, Херс. губ.

Книги и оттиски, поступившіе въ редакцію.

Tadeusz Jaroszynski. O istocie stanow Neurastenicznych. Odbitka z „Neurologji Polskiy".

Luis Agote, prof. Nuevo método grafico para Fijar la Herencia.

Francisco de Veyga, prof. 1) Los „Lunfardos". 2) Los Auxiliares de la Delincuencia.

Eusebio Gomez. 1) Patronato de Excarcelados. 2) Eltrabajo Carcelario.

Armando Claros, direct. Nuevas tendencias penales.

Antonio Sagarna. El jurado en materia criminal.

Antonio Ballvé, direct. Primer censo carselario.

Rodolfo Rivarola, prof. La condena condicional.

Tomas de Veyga, prof. La reforma de la justicia argentina.

Открыта подписка на 1912 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Современная Психіатрія".

Годъ изданія шестой.

Въ составъ редакціонно-издательскаго комитета журнала входятъ: **Н. А. Алфеевскій, Д. А. Аменицкій, Л. В. Блуменау, П. П. Бруханскій, Р. Н. Вановскій, И. Н. Введенскій, Н. А. Вырубовъ, В. М. Гаккебушъ, П. Б. Ганнушкинъ, Т. А. Гейеръ, В. А. Гиляровскій, М. О. Гуревичъ, С. Н. Давиденковъ, С. Ф. Дмитріевъ, В. Н. Ергольскій, Е. К. Іогансонъ, Ю. В. Каннабихъ, Я. С. Кацнельсонъ, П. П. Кащенко, П. Д. Максимовъ, Н. Е. Осокинъ, А. І. Писнячевскій, Л. А. Прозоровъ, С. А. Преображенскій, П. И. Растегаевъ, Г. В. Рейтцъ, В. В. Родкевичъ, С. С. Сергіевскій, Б. Н. Синани, С. С. Ступинъ, Г. Я. Трошинъ, В. В. Чеховъ, А. С. Шоломовичъ, Т. И. Юдинъ.**

Журналъ **„Современная Психіатрія"** посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около четырехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой *восемь* руб., за границу *девять* руб. Цѣна отдѣльной книжки *75* коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи" (Москва, Сокольники, Старослободская улица, домъ № 18, Тел. 237-09), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи; въ полученіи денегъ будетъ высылаться квитанція. Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ 4 руб. и къ 1-му іюня 4 руб.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

САНАТОРІЙ „КРЮКОВО“

для нервныхъ и переутомленныхъ.

ОТКРЫТЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ.

Санаторій находится въ трехъ верстахъ отъ станціи «Крюково», Николаевской жел. дор.

Отъ станціи до усадьбы санаторія—проложено шоссе, красивая холмистая дорога. Возвышенная и сухая мѣстность, обширный лиственный и хвойный паркъ на 12 десят. переходящій въ лѣсъ, на 50 десят., съ мощенными дорожками.

Въ паркѣ собственная домовая церковь. Уютный съ обиліемъ свѣта домъ, обширная гостиная, двусвѣтная столовая и проч., комфортабельная обстановка. Веранды открытыя и застекленная. Электрическое освѣщеніе. Рѣчка, купальня. Въ паркѣ площадка для игры въ крокетъ, лаунъ-тенисъ, кегельбанъ. Особый залъ для занятій ручнымъ трудомъ. Бильярдъ. Лѣтомъ—работы въ саду и огородѣ, катанье на лодкѣ. Зимою—различнаго рода спортъ—коньки, лыжи, катанье съ горъ. Воздушныя и солнечныя ванны.

Водолечебница—души Charcot съ высокимъ давленіемъ, дождевые, сѣдалищный, и проч. Sitz-Bad. Аппараты для углекислыхъ и электрическихъ ваннъ.

Электро-свѣто-лечебница—приборы для электризаціи, свѣтолеченія и вибраціоннаго массажа.

Примѣненіе методовъ **психотерапіи**—внушеніе, гипнозъ, психотерапія въ собственномъ смыслѣ, психоаналитическій методъ Freud'a, методъ перевоспитанія воли Dubois, и т. д.

Душевно-больные и страдающіе заразительными болѣзнями не принимаются.

Адресъ для писемъ и запросовъ: ст. „Крюково“, Московской губ. директору-распорядителю А. Г. Хрущову.

Адресъ для телеграммъ: „Крюково“, Санаторій.

Телефонъ съ Москвой и Петербургомъ.

Врачи санаторія д-ра Ю. В. Каннабихъ, Г. С. Чернорукъ и Л. Я. Бѣлобородовъ.

Директоръ санаторія д-ръ мед. Н. А. Вырубовъ.

(Москва, Патріаршіе Пруды, Ермолаевскій пер., д. 13. Тел. 108—41).